

СО СМЕРТЬЮ
О ЖИЗНИ

ИВАН ТИМОЩУК

Иван Русланович Тимощук

Со смертью о жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42130450

ISBN 9785449655080

Аннотация

Что, если наш мир не единственный? Что, если такое существо как Смерть, реально и живет на другой плоскости? Что, если она придет к обычному человеку и предложит работу? Что, если он согласится? Что, если?..

Содержание

От автора	5
БЛАГОДАРНОСТИ	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	41
ГЛАВА 3	65
ГЛАВА 4	78
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Со смертью о жизни

Иван Русланович Тимощук

© Иван Русланович Тимощук, 2019

ISBN 978-5-4496-5508-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Задумывались ли вы о своем предназначении? О том, насколько реален окружающий мир? Такой ли он на самом деле?

Каждый из нас выбирает свою дорогу сам, и стремится к какому-то движению вперед. Будь то карьера, таланты, или личная жизнь.

Но что делать, когда выбрали за вас? Тем более, кто-то, в существование которого вы не верите. Например – Смерть.

Смогли бы сохранить трезвость рассудка, собирая души? Как бы поступали, зная, что вам доступна любая сила, если поверить в это? Выдержали бы вы полный переворот привычной картины мира?

Что бы вы сделали?

БЛАГОДАРНОСТИ

Моей невесте Ксюше, сестре Даше и другу Егору, за каждую прочитанную главу еще до выхода книги.

Моему хорошему другу Лютославу, за критику и его честное мнение.

Моему другу Северу за создание обложки.

Группам «ГРОТ» и «ТРИАДА» за их песни, тексты которых использовались в этой книге.

Моей собаке, американскому стаффордширскому терьеру – Ненси, которой не стало во время написания книги. Ее уход помог создать некоторые сцены.

Так же, хочу поблагодарить каждого, кто прочитал и понял эту книгу.

Искренне Ваш Иван Тимошук.

ГЛАВА 1

– Антон? Антон, ты собрался? Мы опаздываем!

– Мам, десять минут, и я буду готов!

– У тебя есть пять! – строго сказала мама.

Опаздываем... А чего она ожидала, когда сказала, что нас ждут на празднование Хэллоуина, в костюмах, за час до начала вечеринки? Ни грима, ни инвентаря, ни масок, ничего подходящего празднику дома не было. Я в шутку предлагал обмотаться бинтами и изображать мумию, на что мама сказала, что покопавшись в старой одежде можно найти что-нибудь интересное. А вот, что например, она не сказала. Ладно... Перебирая хлам, некогда бывший вещами, я нашел старый дедовский плащ, который по длине был в самый раз, но коротковат по рукавам. Это можно было легко исправить, надев под него черную кофту, что я и сделал. В любом случае, в баре, куда мы идем, не очень светло и мало кто это заметит. Единственная черная кофта, которую я нашел, была с капюшоном, который пришлось вытащить из под плаща, дабы он не выглядел как горб. Да уж... О костюме вампира, мысль о котором мелькнула в моей голове, придется забыть. К тому же у меня нет искусственных клыков, а свои, хоть они и острые, на вампирские никак не тянут. Зато весь этот наряд в сочетании с черными джинсами и черными туфлями, очень отдаленно, походил на костюм Смерти,

по крайней мере, именно такой образ нарисовала моя фантазия. Оставалось только сделать косу. Благо с косой долго возиться не пришлось – черенок от старой сломанной швабры и сломанная вешалка, обмотанная фольгой, примотанная на скотч к этому самому черенку, сделали свое дело. Все, что оставалось, это посмотреть, как плод моих стараний соотрится на мне.

По пути к зеркалу, я обратил внимание на нашу кошку Хару. Она сидела неподвижно в коридоре, и широко раскрыв глаза, смотрела куда-то в пространство. Знаете, эти фокусы, которые выкидывают коты, когда спят себе спокойно, а потом резко просыпаются и начинают провожать кого-то невидимого взглядом. Обычно, в такие моменты, впечатлительным людям становится не по себе.

– Хара, ты куда так смотришь? – спросил я.

Кошка даже не повернулась в мою сторону, продолжая изучать загадочного невидимого гостя. Вообще она была умной кошкой, порой даже казалось, что понимает человеческую речь. Мне ее подарила бывшая девушка на девятнадцать лет, прежде чем бросить меня. Видимо подарок символизировал то, что мне надо направить свою заботу и тепло на кого-то другого.

Подойдя к зеркалу, я невольно усмехнулся, осматривая свой, на скорую руку сделанный, костюм. Отражение в зеркале крутилось в такт мне, копируя все движения, мимику, даже мой оценивающий взгляд.

– Ну, что тут скажешь, Смерть, которую этот мир заслуживает, – сказал я сам себе.

Отражение ответило осуждающим взглядом, от которого у меня побежали мурашки. Что-то было не так. На мгновение мне показалось, что оно ожило. Напротив, в зеркале стоял тот же я, но словно другой. Та же внешность, тот же костюм, но взгляд... Он был холодным, строгим, и бесконечно глубоким. Я никак не мог оторваться от него.

– Ну, вот! Я же говорила, что можно что-то найти! – радостно воскликнула мама у меня за спиной, заставив меня подпрыгнуть и обернуться. – С тобой все в порядке?

Мама смотрела на меня с легкой тревогой. Я опасливо перевел взгляд на зеркало и увидел обычного, разве что удивленного, себя, с обычным взглядом, такого же как и всегда. Те же зеленые глаза, те же русые волосы, что и раньше. Показалось? Возможно. Но как реалистично и странно это было.

А что было? Отражение в зеркале на мгновение стало жить своей жизнью и смотрело на меня прожигающим взглядом? Нет, точно показалось.

Оторвавшись от зеркала, я более внимательно посмотрел на маму. На ней была темно-синяя юбка разной длины, пострадавшая от маминого энтузиазма и ножниц. В тон ей водолазка. Ее короткие, крашенные в рыжий, волосы нарочно торчали в разные стороны. И весь этот образ сопровождался ярким макияжем.

– Да, все хорошо, просто задумался, – приврал я. – А что

у тебя за костюм?

– Современная ведьма, – ответила мама, гордо выпятив грудь. – Давай, собирайся, такси уже приехало.

Такси. Мама не берет машину. Значит, будет пить. Это плохо. У мамы есть небольшие проблемы с алкоголем. Вообще, она хорошая, не боится работы по дому, да и работы в принципе, но когда выпивает, то редко может остановиться. Зачастую, процесс поглощения алкоголя заканчивается, когда она засыпает прямо за столом. Разумеется, она старается с этим бороться, контролирует себя, но нет-нет дает слабину. Поэтому каждый ее поход в бар, встреча с подругами, или корпоратив, рождает у меня опасения получить среди ночи звонок от, уже знакомого, бармена, или от тех же подруг, что маму надо забрать. Сейчас еще куда ни шло, а вот раньше... Были недельные запои, постоянные собутыльнички, ссоры...

Как бы там не было, она моя мама, я люблю ее, и знаю, что она тоже любит меня, пусть по своему, но любит. Кроме нее у меня никого нет. Отец ушел из семьи еще до моего рождения, бабушки и дедушки умерли, когда я был в подростковом возрасте, братьев и сестер нет. Вот так и держимся, стараясь поддерживать друг друга, несмотря на, разного рода, разногласия, что бывают между нами.

Спустившись на улицу, оказалось, что такси еще нет на месте, хотя мобильное приложение упрямо твердило об обратном.

– Вот, как всегда! – со злостью сказала мама, – Зачем отмечаться, что уже приехал, если сам еще в пути? Давай применим древнюю магию призыва автобусов, троллейбусов, и другого рода транспорта.

– Что? – недопонял я.

– Сигарету, говорю, давай.

– А, сейчас.

Я потянулся в карман и достал пачку легких сигарет. Одну протянул маме, одну взял сам. Да, я курю. Редко, но, тем не менее, бывает. И я абсолютно не скрываю этого, в частности от мамы. Во – первых, мне двадцать один год и я могу решать что мне нужно, а что нет, а во – вторых, зачем что-то скрывать? Лучше быть собой и сказать все как есть, чем прятаться по углам и придумывать какие-то истории относительно того, почему от меня пахнет сигаретами.

– О, я же говорила! Всегда срабатывает, – сказала мама, указывая на приближающееся такси.

Действительно работает. Я едва успел скурить половину сигареты.

– Ну, и где вас носит? – возмущалась мама.

– Понимаете, встал с другой стороны двора... – начал было оправдываться таксист.

– Видела я, как ты с другой стороны встал! Вон, только подъехал!

Водитель пытался еще что-то сказать, но мама отмахнулась и он замолчал. Я назвал адрес, и мы поехали.

Осень в Сибири это весьма условное понятие. Сегодня тридцать первое октября, до зимы еще целый месяц, но улицы уже несколько недель как присыпаны снегом, а температура доходит до двадцати градусов мороза. Сибирь...

Я сидел у окна и наблюдал, как мимо проплывают родные дворы, в которых я провел все детство, играя с друзьями в войнушку. Улицы, которые я знал наизусть, магазины, в которые я бегал после школы за сладостями, на деньги, сэкономленные с обедов. А вот тут мы с друзьями прыгали с качелей кто дальше. Кстати, о друзьях. Надо позвонить Вадиму, он тоже должен был прийти. Я по памяти набрал номер друга. Вадик взял трубку практически сразу.

– Алло – сдавленным голосом отвечает друг.

– Вадя, привет. Ты вечером будешь в «Кие»?

– Уже подхожу. Черт угораздил меня идти пешком. Мало того, что холодина такая, так еще и ветер просто с ног валит.

– Вот потому мы и взяли такси, – с улыбкой отвечаю я.

– Везет... Ладно, скоро увидимся, если я по пути не окочурюсь.

– Давай, до скорого.

Вадика я знаю с самого раннего детства. Мы выросли в одном дворе, ходили в один детский сад, потом пошли в одну школу, в один класс, и сидели за одной партой, если, конечно, нас не рассаживали учителя за плохое поведение. Мы вместе влипали в передряги, и вместе из них выбирались, влюбились, по классике жанра, в одну девчонку и оба были

ей отшиты, а потом в запой обсуждали, что не такая уж она и красивая. Вместе впервые попробовали алкоголь и вместе впервые напились, не соизмерив количество. В общем, было много всего, и я, с уверенностью могу сказать, что Вадик мой настоящий друг, которому можно сказать все, что угодно, и он поймет, по крайней мере, постарается понять. В начальной школе он был маленьким худеньким и носил очки с толстыми линзами. Обычно таких детей называют ботаниками и шпыняют по углам, однако Вадик никогда не позволял к себе так относиться, и никогда не избегал драки, если она намечалась. В какой-то момент он записался в секцию бокса, окреп телом, и даже выиграл несколько соревнований, показав тем самым, всем одноклассникам, что приставать к нему не надо. Тем, кто не понимал устной речи, приходилось доходчиво объяснять. Шли годы, Вадик вырос, его тело покрывалось мышцами, очки он сменил на линзы, стал стильно одеваться, и, разумеется, от девчонок у него не было отбоя. Но не смотря на все свои победы в спорте и обретенную популярность, Вадя оставался простым парнем. Это очень редкий пример того, как человек не потерял свое «истинное я». За это я его и уважал.

Наконец мы подъехали к бару «Золотой Кий». На самом деле бар находился не так далеко от нашего дома. Если идти пешком, то достаточно пройти несколько дворов и ты на месте, но если ехать на машине, то нужно сделать не малый круг, что займет куда больше времени. Видимо руководству-

ьясь этой логикой, Вадик отправился на своих двоих, уже на середине пути, пожалев о своем решении.

Мы расплатились с водителем, и вышли на улицу. В лицо сразу ударил Сибирский осенний мороз, джинсы моментально накалились от холода и морозили ноги, а летние туфли предательски скользили на притоптанном снегу, как бы намекая, что совсем не по погоде я выбрал себе костюм.

– Тетя Лена, бонжур! – прозвучал знакомый голос, откуда-то сбоку от нас.

Мы повернулись и увидели Вадика с седыми от холода бровями и ресницами, изображающего какой-то приветственный реверанс, улыбаясь во все лицо. В этом жесте не было никакой издевки, чистой воды дурость, которой у моего друга было хоть отбавляй.

– Привет, Вадя! – ответила мама, изобразив в ответ книксен. – Замерз?

– До ужаса. – Вадик подошел ближе, и мы обменялись рукопожатиями.

– По пиву? – спросил я.

– Сначала горячий чай, а потом все что угодно, – отрезал он, и направился к входу в бар.

«Золотой Кий», или просто «Кий», как все его называют, встретил нас устаревшей музыкой, которая не менялась, сколько я себя помню, звуками стучающихся друг об друга бильярдных шаров, и запахом подкисшего пива. На самом деле, баром это заведение назвать было сложно. Ско-

рее «забегаловка для местных пьянчуг». Все в этом заведении кричало об этом, начиная от линолеума с дырками, обшарпанных стен и покосившихся стульев, заканчивая дешевым пивом, скудным ассортиментом закусок и неторопливо прогуливающимися по барной стойке тараканами. Так же здесь стояла пара бильярдных столов для русского бильярда, и один специально для Пула. В Кие был сложившийся контингент, который посещал его с самого открытия, но со временем и тот стал расходиться, меняя романтику обветшалого подвала на современные заведения. Это естественный процесс. Народ вырастает. Бедные студенты, которые хотят повеселиться «подешевле», со временем заканчивают учебу, устраиваются на работу и переходят в места повыше уровнем. Но нет-нет заглядывают в старый добрый Кий, чтобы окунуться в ностальгию, встретить знакомые лица, или просто отдохнуть, не сильно раскошеляваясь. Видимо из-за этого спада и было решено поднять рейтинг заведения, путем проведения тематических вечеринок. И начали они с Хэллоуина.

– Лена! Антон! Вадик! Привет! – радостно прокричала бармен-тетя Галя. – Вадик, а ты чего без костюма? Ну, проходите скорее.

Да, нас здесь хорошо знали. Потому, что мама здесь работала барменом. Устроилась она лет двенадцать назад, и уволилась только год как. Тетя Галя все это время была ее напарницей и, по совместительству, подругой. Разумеется, я

очень часто бывал у мамы на работе, и даже справлял здесь свой одиннадцатый или двенадцатый день рождения. Билльярд, тогда еще популярная музыка, еда и закуски, принесенные из дома, громкое слово «Бар», которое заставляло почувствовать себя взрослым, – что еще нужно было детям.

Мы поздоровались и разместились у барной стойки, в ожидании начала вечера. Галина Петровна, она же – тетя Галя, была очень забавной женщиной. Про таких говорят «тебе только на рынке торговать», имея ввиду ее крупное телосложение и манеру общения на матершинном языке. Гости пришедшие впервые в Кий испытывают легкий шок, а впоследствии, уже не представляют это заведение с другим барменом.

– Ай, хрен с ним с чаем. Теть Галь, давайте кружечку ирландского эля, – Решил Вадя.

– Две, – поддержал я. – Свежее?

– Обижаешь, – театрально обиделась бармен, и принялась наливать пиво.

– Три, – Подытожила мама.

Через пару минут тетя Галя поставила перед нами три кружки холодного, темного напитка и принялась с интересом разглядывать мой костюм. Эль был действительно свежий и очень приятный на вкус. Была у него интересная особенность – пьется он мягко, голова остается чистая, а вот язык начинает заплетаться. А если переусердствовать, то, вслед за языком, начинают заплетаться ноги.

– Антон, я смотрю, что ты в костюме, – начала было тетя Галя. Обычно когда она так говорит, далее следует какая-то просьба. – Это же Смерть, да?

– Да, Смерть, которую наш... Просто Смерть, – я осекся, вспомнив недавнее происшествие перед зеркалом. Пробежав глазами между полок с бутылками, я нашел небольшое зеркало. Отражение было обычным, никаких пронизательных взглядов. Точно показалось. Но почему, же это не дает мне покоя?

– Я это к чему, – продолжила она, не замечая моей заминки. – У нас же Хэллоуин, сейчас народ придет, мы конкурсы подготовили, а вести их некому. Я бы сама отвела, но ты в костюме, да еще и с твоими ораторскими способностями...

– Ох, тетя Галь, я, конечно, не против, но я сценарий совсем не знаю, – начал уклоняться я.

– Да что там знать-то? Быстренько пробежался глазами, а там, на месте разберешься. Я тебе подсказывать буду, – взмолилась она. – К тому же между конкурсами будут для гостей музыкальные паузы, а для тебя возможность прочитать сценарий следующего конкурса и придумать речь. Антон, с меня пиво.

– Если я буду ведущим, то пиво мне противопоказано, – обреченно вздохнул я.

– Я выпью! – быстро спохватился Вадя. – Он согласен!

– Решено! – просияла тетя Галя и пошла за распечаткой.

Ведущий. Вечер начал принимать неожиданный поворот.

Я пробежался глазами по сценарию, который принесла бармен. Складывалось ощущение, что никто особо не утруждался его написанием, поэтому скачали с первой попавшейся страницы в интернете. Вместо приветственной речи красовалась надпись «ПРИВЕТСТВИЕ», как бы намекая, что речь я должен буду придумать сам, а дальше сразу первый конкурс. Он заключался в том, что нужно выпить больше всех крови девственниц. Под «Кровью Девственницы» подразумевался некий коктейль из всего, что было в баре, залитый томатным соком, обильно сдобренный перцем и перелитый в трехлитровую банку. Эдакая сумасшедшая версия популярного коктейля «Кровавая Мэри».

– Не завидую я вам, ребята, – прошептал я сам себе и продолжил изучение сценария.

А тем временем Кий наполнялся людьми. Были знакомые лица, которые подходили, здоровались, интересовались как дела, не женился ли часом, и дивились тому, как я вырос. Было, среди этих знакомых, изрядное количество девушек, которые знали меня как подростка, общались со мной исключительно как с сыном подруги, а теперь смотрели на меня с неподдельным интересом. Да, мальчик Антон вырос, с этим не поспоришь.

– Ты, смотри, это ж Наташа, как ее... Журавлева! Помнишь, за которой ты бегал? – с улыбкой прошептал Вадя. – Она тебя прям взглядом раздевает.

Я помнил. Мне тогда было лет четырнадцать. Мы с Ва-

диком играли в бильярд у мамы в баре, как, вдруг, пришла она – Наташа Журавлева. Эффектная голубоглазая блондинка среднего роста. На тот момент ей было девятнадцать лет, у нее уже были все нужные округлости, что так манили взгляд совсем зеленых юнцов. Она пришла за бар, поздоровалась с мамой и о чем-то с ней оживленно заговорила. Забыв о бильярде, под одобрительный взгляд Вади, я пошел знакомиться. Представила меня мама, сам я невероятно стеснялся и не мог сказать ни слова. Надо понимать, что после этого знакомства мои походы в Кий участились. С Наташей мы начали общаться, я даже взял ее номер телефона, якобы на всякий случай, а сам сутками строчил ей SMS сообщения из разряда «Как дела?», «Что делаешь?», «Чем сегодня занималась?». А примерно через неделю, будучи уверенным, что она уже моя, я предложил ей встречаться, на что получил отказ. Она объяснила, что для нее я слишком маленький и это невозможно, но вот будь я постарше, она сама бы за мной приударила, а так нет. Сейчас я ее прекрасно понимаю, но тогда мое подростковое сердце было разбито, и все мои душевные страдания выливались огромными потоками на Вадю, который стойко меня поддерживал. А сколько было написано страдальческих стихов о неразделенной любви, растоптанных чувствах и одиночестве, не сосчитать. Конечно, теперь я вспоминаю это с улыбкой на лице.

И вот, спустя семь лет, объект моих детских мечтаний, с интересом разглядывает, уже взрослого, меня, а мне все

равно. Нет, она все так же хороша собой, но многое изменилось во мне. Я стал видеть не только внешнюю красоту, но и внутреннюю, а разменивать себя на случайные связи, которые никуда не приведут, я не хотел. Моралист – говорили мне знакомые, с нотками непонимания в голосе. Может быть, но это мой принцип, которым, бывало, я жертвовал в прошлом.

– Антон, ты готов? Мы через пять минут начинаем, – голос тети Гали вернул меня из мира размышлений в реальный мир.

Я посмотрел по сторонам. Народу собралось человек пятьдесят, не так много как хотелось бы, но в маленьком баре они смотрелись внушительно. Знакомых прибавилось, но большая масса была мне неизвестна. Люди делали последние заказы перед началом вечеринки, и рассаживались по столикам.

Заиграла мрачная музыка. Она была похожа на саундтрек к какому-то мистическому фильму, и казалась до боли знакомой, но я никак не мог вспомнить название. Получив кивок от тети Гали, который означал, что пора начинать, я медленно двинулся в центр бара, приковывая к себе любопытствующие взгляды гостей. Остановившись, я с полным безразличием осмотрел всех присутствующих, стараясь сохранять лицо непроницаемым. Именно так, мне кажется, смотрела бы Смерть. Выждав несколько секунд, я сделал максимально холодный голос, который только мог, и заговорил:

– Люди. Испокон веков я был проводником между миром живых и царством мертвых. Я бережно собирал души, срок пребывания которых, в этом мире, подошел к концу, и провожал их туда, откуда еще никто не возвращался. Настанет день, и я провожу туда каждого из вас. Я вижу отведенное вам время. Я – Смерть!

Холодок пробежал по моему телу. Опять это чувство. Как тогда дома, но сейчас оно было разительно сильнее. За мной наблюдали. И это были вовсе не люди, сидевшие в баре. Это был кто-то еще. Что-то еще! Я обвел всех присутствующих взглядом, но в них не было ничего необычного. И тут я увидел старое, грязное зеркало в другом конце зала, которое отражало меня. Вернее, кого-то очень похожего на меня. А потом отражение ехидно улыбнулось.

Земля начала уходить из под ног. Холодок больше не побегал по моему телу, ему на смену пришел нарастающий страх. Казалось, что если сейчас отражение дернется, или подмигнет, я просто убегу из этого бара домой, закроюсь в комнате, и на всякий случай выкину все зеркала, даже маленькие.

Бар. Я же ведущий, на меня смотрят люди. По их лицам я понял, что моя заминка воспринята исключительно как театральная пауза и не более того. Собрав волю в кулак и отбросив мысли о живом отражении меня – не меня, я продолжил:

– Час пробуждения темных сил близок. Дабы приобрести к их числу, вы должны испить крови девственниц,

но лишь самый искушенный из вас станет предводителем нашего черного отряда, и будет решать, кто достоин присоединиться к всепоглощающей тьме. Принести кровь!

Тетя Галя вынесла банку «крови девственниц» и поставила ее на барную стойку. Тем временем я объяснял гостям, что мне нужно пять добровольцев, считающих себя достойными стать лидерами нашего «черного отряда». Желающие нашлись сразу. Пятеро взрослых мужиков с пивными брюшками.

Бурое месиво из банки было бережно разлито на пять стаканов лично мной так, что в банке осталась еще примерно половина. Потенциальные предводители по очереди подходили и пили содержимое стаканов. Первый отказался после пары глотков, второй допил стакан полностью и сказал, что готов пить еще, третий тоже допил, но сказал, что больше пить не будет, четвертому хватило одного лишь только запаха напитка, чтобы отказаться, а вот пятый переплюнул всех. Он отодвинул стакан и поднял банку с половиной «коктейля» к потолку. Заорав на весь бар, что пьет эту кровь во славу темных сил, он опустошил всю тару. Гости бара восприняли этот жест радостными воплями и градом аплодисментов. Что ж, предводитель найден. Он получил приз в виде трех кружек самого дешевого пива, остальным участникам достались поощрительные призы в виде соленых орешков.

Громогласный голос Галины Петровны объявил о танцевальной паузе, и старенькие колонки, похрипывая, напол-

нили помещение бара звуками музыки. Самые смелые гости тут же встали из-за столиков и пустились в пляс, периодически выкрикивая что-то из разряда «давай-давай!». Те, что поскромнее, остались сидеть на местах, но покачивались в такт ритму, с улыбками наблюдая за происходящим на танцполе. Как показывала практика, скромность улетучивалась после нескольких бокалов горячительного напитка. Более того, алкоголь в крови начинал шептать «Ты умеешь танцевать. А еще ты отлично поешь!», к сожалению, в большей степени тем, кто ни того ни другого делать абсолютно не умел.

– Сейчас, подожди, эти подопьют и начнут устраивать шоу, – словно угадывая мои мысли, прошептал Вадя. – Кстати, а ты чего в середине речи запнулся? Я бы предположил, что ты слова не мог подобрать, не знай я тебя. И лицо у тебя было какое-то растерянное.

– Это было так заметно? – в очередной раз удивляюсь Вадиной проницательности.

– Иначе, какой бы я был старший брат, – произнес он театральным голосом, выпятив вперед грудь.

– Напоминаю, что мы не родственники, и я старше тебя на два дня.

– Это абсолютно не имеет значения, – отмахнулся Вадик. – Ну, колись, что было-то.

А, действительно, что было? Если бы я сам знал.

– Вадя, скажи честно, я выгляжу как сумасшедший?

– Несомненно, – улыбаясь, ответил друг. Наверное, вот так выглядит настоящая дружба. Когда не можешь удержаться от того, чтоб не подколоть друга, не посмеяться над его падением с лестницы и порванными штанами. Но в тяжелые моменты ты готов всегда протянуть руку помощи, даже если тебя не просят. Просто потому, что по-другому ты не можешь.

– Я серьезно сейчас.

– Я тоже! Ну, а если, правда, серьезно... Во-первых, сумасшедший не в курсе, что сошел с ума. Ему кажется, что мир вокруг абсолютно нормальный, а все окружающие съехали с катушек. А во-вторых, ты самый здравомыслящий человек из всех кого я знаю.

Приятно. Я рассказал Вадику о фокусах, которые весь вечер со мной проделывает отражение в зеркале. Он слушал очень внимательно, не перебивая. Когда я закончил свой рассказ, Вадя, немного помедлив, спросил:

– Ты уверен, что тебе не показалось?

– Слушай... – начал было я.

– Нет, ты не пойми неправильно, я верю, – перебил он. – Я это к чему, отражение менялось тогда, когда ты пошутил в сторону Смерти, а потом когда себя назвал Смертью, так?

– Так, – согласился я.

– Допустим, то, что говорят в легендах о зеркалах, мол это порталы в другие миры, или что-то в таком духе, правда. Допустим, что кто-то или что-то из другого мира тебя услыша-

ло, появилось в зеркале, и ты это заметил. Но если это так, то почему актеры кино или театра, которые примеряют на себя роль Смерти, когда репетируют перед зеркалом, не замечают ничего? Или сотни детишек в Америке, или в Европе, которые празднуют настоящий Хэллоуин и наряжаются в Смерть, как ты сейчас, и кричат около каждого дома, где им дают конфеты «Я – Смерть», ничего не чувствуют?

– Ну, может они не замечают просто... – слова Вадика имели смысл, но что-то внутри не хотело с ним соглашаться. Может потому, что ощущения слишком свежи, а может просто хочется поверить в магию, параллельные миры, или что-то там еще. Хотя осознание того, что какое-то существо из другого мира смотрит на тебя через зеркало, пахивало сумасшествием.

– Пошли, – отрезал Вадик.

– Куда?

– Пойдем, говорю.

Через танцпол, минуя не крепко стоящих на ногах гостей, мы вышли к тому самому зеркалу, что висело на противоположной стороне бара. Вадик встал напротив зеркала, расправив плечи, несколько раз глубоко вдохнул и уверенно произнес:

– Я – Смерть, – И немного помедлив, добавил. – Я – Тьма.

Он сосредоточенно вглядывался в свое отражение, пытаясь разглядеть в нем кого-то или что-то помимо него самого. Постояв с минуту или две, он сказал:

– Антон, ничего. Все тот же красавчик – Вадик, что и всегда. Никаких ощущений, никакого пронизательного взгляда. Теперь твоя очередь.

– Моя? – замешкался я.

– Ну, да. Мы же должны разобраться, в чем тут дело. Играет твоя мнительность, или ты пришелец из другого мира, который пришел к нам, чтобы поработить всех людей, и теперь связываешься со своими параллельными собратьями, – шутил Вадя. Юмора и решительности ему не занимать.

– Хорошо, – я подошел к зеркалу. Сердце участило свой ритм, но я понимал, что это просто волнение. Я собрался с мыслями и произнес. – Я – Смерть.

Мой взгляд скользил по отражению, но я ничего не замечал. Все действительно было как раньше.

– Ну, что? – нетерпеливо спросил Вадя. – Есть что-то?

– Ничего, – выдохнул я. Волнение начало отступать.

– Показалось, выходит? Нет, если хочешь, то можем еще раз попробовать.

– Нет, ты прав, показалось. И, спасибо.

– Да ну, ты брось. Для чего еще нужны...

– Да-да, старшие – младшие не кровные родные братья, – с улыбкой закончил я.

– Именно! – просиял Вадик.

Тем временем тетя Галя жестами показывала, что пришло время для следующего конкурса, и, увидев мой утвердительный кивок, пошла к аудио системе. Звуки, некогда популяр-

ной, электронщины, сменились мрачной музыкой – главной темой сегодняшнего вечера. Я старался шагать в такт органу, приковывая к себе, уже помутневшие, взгляды гостей. Заняв свое привычное место посреди бара, я направил косу на победителя прошлого конкурса и сказал:

– Предводитель, подойди ко мне.

Мужчина встал и двинулся в мою сторону под одобрительные крики толпы, высоко подняв руки вверх.

– Назови свое имя, – обратился я к нему.

– Зовите меня «Итальянский жеребец Абилардо»! – прокричал он. Гости взорвались хохотом и аплодисментами.

Я осмотрел его. На вид «жеребцу» было лет тридцать пять. Волосы были короткие и засаленные, одежда не по размеру, но не скрывающая «пивной» живот. Во рту отсутствовало пару передних зубов, а запах говорил о том, что человек занимается физическим трудом и, явно, пренебрегает душем. Определенно, итальянский жеребец, иначе и не скажешь.

– Абилардо, чтобы присоединиться к темным силам, к их армии, мы должны доказать, что мы одни из них. Нам нужно показать им такие бесовские танцы, которые не сможет станцевать человек. Ты как предводитель, – жеребец снова вскинул руки вверх. Он определенно гордился своим статусом, – должен выбрать трех человек, которые будут танцевать. Потом тебе нужно будет выбрать одного единственного, кто справится лучше всех. Того, кто поистине достоин.

От тебя зависит очень многое, предводитель. Не подведи.

Жеребец утвердительно кивнул и начал осматривать всех собравшихся. Как и следовало ожидать, высматривал он самых симпатичных девушек, бесцеремонно хватал их за руки, и вытаскивал на танцпол. В числе жертв оказалась и Наташа. Я поймал на себе ее обреченный взгляд, который через пару мгновений сменился на хитрый, посеяв внутри меня ощущение, что она что-то задумала.

Из колонок заиграла танцевальная музыка, ознаменовав начало конкурса. Девушки пустились в пляс, под веселые улюканья из зала. Две девушки скакали, махали руками и корчили страшные рожицы, всеми силами стараясь походить на разбушевавшуюся нечисть. Абилардо сначала просто наблюдал за ними, но вскоре, издав радостный вопль, пустился в пляс, беспорядочно молотя руками в воздухе. Это выглядело скорее смешно и нелепо, чем хоть как-то устрашающе. Но тут он остановился и начал смотреть куда-то в сторону. Я проследил направление его взгляда и обомлел.

Наташа. Ох, Наташа... Что же ты делаешь.

Я никогда не видел таких изгибов. Может, конечно, видел, но в этот момент мне казалось, что никогда. Ее руки чувственно скользили по ее же телу, периодически обнажая отдельные его части. Это было не столько пошло, сколько для того, чтобы подразнить. Я видел ее глаза. Ее ядовито – голубые глаза, которые, не отрываясь, смотрели на меня на протяжении всего танца. Не нужно было никаких слов, чтобы

понять, что она меня желает. Вот руки пошли на второй круг, обнажая подтянутый живот, скользят выше по не маленькой груди, по изящной шее. Она касается пальцами своих губ и отправляет мне воздушный поцелуй.

Я не верю в магию. Ну, я не исключаю ее существование, но не то чтобы искренне верю. Но то, что происходило сейчас, другим словом назвать сложно. Настоящая, природная, женская магия. Именно из-за нее случались войны, горели города, и назначались дуэли. Именно из-за нее могли пошатнуться моральные устои.

Я искренне верил, что моя воля – кремень, но чувствовал, как кремень дает трещину, пропуская к щекам румянец, а в голову очень яркие образы.

Освобождение от чар пришло внезапно, оборвавшейся музыкой. Я посмотрел на Вадю. Он ответил многозначительным взглядом и расплылся в улыбке. Такая улыбка говорила, он уверен в том, что сегодня меня охомуതают, заволокут в постель, и не отпустят, пока я не останусь без сил. А может даже после этого не отпустят.

– Вот она победила! – взревел Абилардо, указывая на Наташу.

Кто бы сомневался...

Наташе вручили три кружки пива, но, по знакомству, не самого дешевого, а ирландский эль. Одну она взяла себе, одну отдала Ваде, подмигнув ему, и услышала в ответ «Понял, удаляюсь», а третью принесла мне.

– Давно не виделись, Антон, – сказала она сладким голосом, протягивая мне пиво.

– Да уж, давненько... – я взял пиво и торопливо к нему приложился, чтоб скрыть смущение.

– А ты все такой же стесняшка, как и много лет назад, – она принялась перебирать мне волосы, пуская тем самым по всему телу мурашки. – Зато, каким красавцем вырос, просто загляденье. Девчонки, наверное, толпами ходят, да?

– Не исключено, но я очень избирательный, – уклончиво ответил я.

– И кого же ты выберешь сегодня?

Я посмотрел ей в глаза. Боже, с каким теплом и какой жадностью она смотрела... В разных романах авторы пишут о искре, что мелькает между парнем и девушкой, и, похоже, это была она. Больше скажу, это была не искра, а настоящая молния, но не любви, а страсти. И мы оба это прекрасно понимали. Вот так просто – подумал я – могут покоситься моральные устои. Один взгляд, одно слово, одно касание. Или же причиной тому, долгое отсутствие девушки, немного алкоголя в крови и приятные воспоминания. В любом случае, что бы там ни было, я не мог устоять, да и не хотел. Губы как-то сами потянулись к ее губам, как вдруг:

– Эй, красавица! – Рука Абилардо легла на плечо Наташе, прервав наш не случившийся поцелуй. – А я видел как ты танцевала для меня!

– Для тебя? – удивилась Наташа.

– Для меня. Для своего предводителя.

Жеребец слишком вжился в роль. На столько, что потерял чувство такта.

– Мы разговариваем, – ледяным голосом сказал я.

Я не думал, что мой голос может быть ТАКИМ. В нем было абсолютное спокойствие и, не присущий мне, холод. Обычно, в таких ситуациях, кровь должна закипать, но я не чувствовал ничего кроме покоя.

– Ну, значит, потом поговорите, – отмахнулся новоявленный мачо. – Так, вот, я это к чему, ты мне понравилась, так что...

Я встал с барного стула и положил правую руку на солнечное сплетение Абилардо, чуть отодвигая его от Наташи.

– Я сказал, мы разговариваем, и ты нам мешаешь.

Голос оставался ледяным. Я заметил, как взгляды гостей устремились в нашу сторону, в ожидании драки. Ко мне подошел Вадя. Его лицо было спокойным, но я понимал, что одно резкое движение и мачо рухнет на пол под тяжестью Вадиного хука.

– Антон, все нормально? – спросил друг.

Я молча кивнул, не отводя взгляда от неприятеля.

– Вы чо тут, смельчаки что ли, или чо?! – взревел Абилардо. Его лицо перекошило от ярости. – Я вас обоих сейчас положу здесь! Да я вас... Что с тобой?

Жеребец испуганно смотрел в мои глаза. Не знаю, что он там видел, да и не хотел знать. Во мне была сила. Какая-то

непреодолимая мощь растекалась по всему телу, заполняя каждую клеточку моего организма, каждый отдаленный закуток моей души. Словно я сам был силой.

Все мысли куда-то делись. Я видел все, словно в замедленной съемке. Вот, Вадя делает шаг навстречу бунтарю, готовясь нанести сокрушающий удар. Вот Наташа, на ее лице застыла тревога. Хмурый взгляд тети Гали. Испуганный Абилардо, который смотрит в мои глаза. Интересно, что он там увидел? Я видел сразу все, не отрываясь от предмета моего внимания. Это было очень странно, но я ссылаюсь на действие адреналина. Хотя откуда взяться адреналину, если я ни зол, ни взволнован? Я вообще ничего не чувствую! Только абсолютный покой.

А еще было чувство, что пора заканчивать перепалку, иначе, до добра это не доведет. Я просто толкнул Абилардо одной рукой в грудь. Не так чтобы он упал или покалечился, но так, чтобы отстранился от меня.

То, что случилось далее, не поддавалось никакому объяснению. Жеребец полетел спиной вперед через весь бар, а это метров восемь по прямой. Он сносил по пути стулья, врезался в стену и упал навзничь. Я не могу сказать, что я был слабым, но чтобы вот так просто отбросить от себя человека, который вешает килограммов на двадцать больше чем я...

– Ох! – удивленно выдохнул Вадя. – Он там живой хоть?

Абилардо был жив. Он сел на пол опираясь на руки, и начал испуганно смотреть по сторонам. Казалось, что он ис-

пытывает неловкости перед всеми гостями, и ищет какую-то поддержку. В конце концов, неприятно, когда тебя выводят из игры одним толчком. Тем более какой-то молодой, худоватый парень.

Но здесь было что-то другое. Испуг в его глазах сменился ужасом. Абилардо махал руками, отбиваясь от кого-то невидимого.

– Что... Что вам надо?! Кто вы?! Не трогайте меня! – взревел он. Его голос дрожал.

Все непонимающе смотрели на происходящее. Кто-то хотел подойти помочь, но останавливался, боясь случайно получить удар.

– Вы, что их не видите?! Бегите! Бегите! – сокрушался жеребец.

Еще мгновение он озирался по сторонам, а потом побежал из бара в сторону улицы, как был, в одной футболке. Что это было? Что его напугало? Да так, что он убежал из бара без теплой одежды в двадцатиградусный мороз?

– Похоже, он сильно стукнулся головой о стену, – задумчиво протянул Вадя, словно прочитав мои мысли.

– Пожалуй, – ответил я. – Теть Галь, я наверное, пойду домой? Что-то настроение уже не праздничное.

– Конечно- конечно, – понимающе сказала бармен. – Все равно конкурсы уже никому не нужны, все пьяные.

– Антон, ты уходишь? – с обидой в голосе спросила Наташа.

– Да. Не хочу тут оставаться.

– Но, Антон... – начала было она.

– Наташа, в другой раз, – отрезал я.

Мы оба понимали, что, скорее всего, другого раза не будет. Момент упущен. На смену ее желанию пришла обида.

Я подошел к Ваде.

– Вадя, надо ехать домой.

– Думаешь, он вернется с толпой алкашей, чтобы отомстить? – поинтересовался друг.

– Нет, не думаю. Просто хватит на сегодня происшествий. Ничего не хочу. Просто добраться до дома, скинуть эти лохмотья, умыться и лечь спать, – устало сказал я. – А где, кстати, мама?

– Я видел ее минут сорок назад последний раз. – Вадя огляделся по сторонам. – Она, вроде, пошла играть в бильярд с кем-то. Наверное, играет еще.

Мы зашли в бильярдную комнату. На столе со стареньким сукном, были раскатаны бильярдные шары, показывая, что партия еще не закончена, но продолжать ее некому. За пластиковым столиком, положив голову на руку, сидя, спала мама. Рядом с ней стояла недопитая кружка пива и допитая стопка. В центре стояла, почти пустая, бутылка водки. Вот теперь покой сменялся злостью. Опять мы возвращаемся к старому.

– Вадя, – вздохнул я. – Поможешь ее довести?

– Конечно, какой разговор.

Я попытался разбудить маму, но она никак не реагировала. Мы с Вадиком переглянулись. Он развел руки в стороны, как бы говоря, «Ну, что поделывать, придется нести». Я тут же вызвал такси. Идти ночью через дворы, по такому морозу, неся на плечах спящую женщину, уж никак не хотелось. Благо поблизости бара находилась свободная машина, и приложение моментально оповестило, что такси назначено и подъедет в течение двух минут.

– Может, понесли пока что? Все равно, пока поднимем, пока выведем, там машина и подъедет.

Мы начали поднимать маму. Вадик закинул ее руку себе на плечо и начал распрямляться, поднимая ее со стула, я тут же подхватил ее под вторую руку.

– Да что вы ее трогаете? Пусть спит себе человек, – заплетающимся языком сказал мамин собутыльник, который, по всей видимости, отходил в туалет, а сейчас покачиваясь стоял в проходе.

– Еще слово, и ты сам спать ляжешь! – процедил я сквозь зубы. Во мне кипела ярость, которую я не мог обуздать.

– Понял, не мешаю, – отозвался собутыльник и отошел с прохода.

– Дружище, что с тобой сегодня? – осторожно поинтересовался Вадик.

– Вадя, давай до дома доедем и поговорим? – чуть остывая, сказал я.

Мы направились к выходу, попрощавшись с тетей Галей

и помахав знакомым. От Наташи я получил напоследок обиженный взгляд и холодное «пока». Не страшно. Много лет назад в такой ситуации был я, и ничего, не умер. Хотя, глубоко внутри, я чувствовал, какие-то, небольшие уколы совести и отголоски недавнего желания.

Выйдя из бара сразу чувствовалось, что мороз окреп и оставаться на улице долго не хотелось. Благо, машина действительно стояла на парковке и ожидала нас. Мы двинулись по направлению к такси, борясь с порывами ветра. Все могло бы быть проще, если бы мама нам помогала, а не просто висела на плечах. Словно услышав мои мысли, она начала медленно шевелить ногами. Я посмотрел на ее лицо. Глаза были закрыты, но ноги шевелились, немного облегчая нам работу. Видимо она шла на, так называемом, автопилоте. Что ж, уже неплохо.

За пару минут наше трио добралось до машины. Маму усадили на заднее сидение, между нами. Таксист вопросительно на нас смотрел, но услышав адрес, молча поехал. Молчаливый таксист – то, что сейчас нужно. Желание разговаривать с кем либо, отсутствовало напрочь. Тем более если это будут пустые разговоры. Есть такая старая шутка, что, если не знаешь как начать продолжительный диалог с таксистом, задумчиво посмотри в окно и скажи «До чего страну довели». Долгие философские рассуждения вам обеспечены. К счастью, в салоне сохранялась тишина, за исключением тихо играющей музыки. Настолько тихой, что нельзя

было даже разобрать слова.

Старенькая иномарка неторопливо плыла по ночному Красноярску, огибая дорожные ямы. Так и не научились у нас класть асфальт. Я прильнул к окну, обдумывая все произошедшее сегодня. Игры отражения, почти случившийся секс, потасовка в баре, охвативший меня покой, ледяной голос и, невесть откуда взявшаяся, сила. Ладно, с отражением мы разобрались – почудилось. Секс, ну, это естественный процесс, просто неожиданно было как-то. А вот спокойствие и сила... Спокойствие еще можно объяснить. Я никогда не отличался сильной эмоциональностью. Но в стрессовых ситуациях эмоции прорывались. Тем более в конфликтных, а тут абсолютный покой. Сила. Вот тут сложнее. Я не могу назвать себя слабым, даже когда-то ходил в тренажерный зал и поднимал свой вес. Но без особых усилий оттолкнуть взрослого, сбитого мужика, да еще чтобы тот пролетел несколько метров...

– С вас двести двадцать рублей – хрипло сказал водитель, оторвав меня от размышлений.

– Да, конечно, минутку.

Я рассчитался с таксистом и вышел из машины, Вадя вышел следом, и мы принялись вытаскивать маму. Надо сказать, что усаживать было гораздо проще.

Раньше я очень стеснялся подобных ситуаций, а потом просто привык. Конечно, неловкость есть и сейчас, но я уверен в Ваде, и в том, что он все понимает.

– Ну, последний рывок до четвертого этажа? – бодрым голосом сказал Вадик.

– Это да. Надеюсь, лифт работает.

Лифт работал. Мы аккуратно завели в него маму, придерживая то ногами, то плечами, закрывающиеся двери. Выйдя на четвертом этаже, мы доковыляли до двери нашей квартиры, я вставил ключ, провернул, и наконец, мы дома.

– Хара, отойди – прикрикнул я на встречающую нас кошку и получил от нее обиженный взгляд. Еще один в мою коллекцию. Женщины. . . .

Мы довели маму до ее кровати, уложили прямо в одежде. Раздевать ее по понятным причинам я не стал.

– Пошли, покурим?

– Пойдем, – согласился Вадя.

Вообще Вадя не курил, он баловался, как сам же и выражался. Или курил когда выпьет, уверяя, что от попадания в кровь алкоголя, у него вырастают легкие курильщика. Мы вышли на балкон, я взял нам по сигарете, поджег, глубоко затянулся и почувствовал, как поймал легкое опьянение от никотина.

– Поговорим? – аккуратно спросил Вадик.

– Да, конечно.

Я пересказал Вадиду что случилось. Про Наташу, про свои ощущения, про силу, а полет итальянского жеребца и то, что было далее, он и сам видел. Пока шел рассказ, сигарета успела истлеть, пришлось подкуривать еще одну.

– Ну, версия с пришельцем из другого мира кажется уже не такой бредовой, – подытожил друг.

– Ой, да ну тебя.

– Антон, я отшучиваюсь потому, что не знаю, что сказать на это. Я не ставлю под сомнения твои слова, тем более, что я сам все видел. Это странно. Это очень странно. В тебе веса сколько? Семьдесят?

– Семьдесят три.

– Семьдесят три, хорошо. А в том Эдуардо...

– Абиладро – поправил я.

– Да не важно. В том Абилардо килограммов девяносто, чистого сала. И ты отшвырнул его одной рукой. Антон, я много лет занимаюсь спортом, во мне девяносто кэ гэ веса, плюс подготовка, но я даже тебя так не отброшу. Понимаешь?

Я понимал. Но что это было и откуда взялось, я не знал.

– Антон, повторюсь, это странно. Безусловно, круто, но странно и даже пугающе. Ты сам-то как думаешь, как так получилось?

– Адреналин? – неуверенно сказал я.

– Адреналин от стресса вырабатывается, или от страха, а ты говоришь, спокоен был, – в словах Вади была логика. – Хотя черт его знает, может и адреналин. Не знаю, в общем. Ты понаблюдай за собой.

– Конечно, – пообещал я. – Вадя, у меня уже голова кругом идет. Может спать? Ты у нас останешься?

– Да, останусь, -согласился он. – К тому же, надо утром обчистить тебе холодильник.

– Ты как всегда – улыбнулся я.

Я постелил Ваде на диване, пожелал доброй ночи и отправился в комнату. По пути проверил маму – спит. Пускай спит. Хорошо хоть, ей завтра не на работу. И мне тоже. С сегодняшнего дня начался мой отпуск, а это означало целый месяц сна до обеда, занятий своими делами и просто отдых. Сегодня, правда, отдых получился не самый удачный.

Наконец я добрался до кровати, аккуратно положил одежду на стул, который служил еще и вешалкой. Хара дремала у меня на подушке пушистым черным пятном.

– Прости, подруга, – сказал я кошке, поглаживая ее. – Просто тяжелый день. Мир?

Хара задумчиво посмотрела на меня, словно прикидывая, стоит ли меня прощать, а потом тихонько мяукнула и замурлыкала. Видимо, прощает.

Голова разрывалась от мыслей, и я думал, что не усну сегодня, но только я коснулся подушки, как тут же провалился в сон.

ГЛАВА 2

Откуда берутся сны?

В древние времена считалось, что когда человек спит, его душа путешествует по мирам. Миры могут отличаться от привычного ландшафтом, архитектурой, обитателями, экстраординарными способностями «путешественника», а могут отличаться всем и сразу. Но бывает такое, что все точь-в-точь как в реальности. За исключением того, что не можешь быстро бегать – ноги становятся ватными, или кричать – вместо крика изо рта вырывается хрип. Никто не знал заранее, в какой мир отправится душа спящего на этот раз, но все точно знали, что его нельзя будить. Если, вдруг, по пробуждению, душа не успеет вернуться в тело, то человек умрет.

Со временем изучением снов занялась наука. Ученые выяснили, что сновидения появляются потому, что мозг не выключается, когда мы засыпаем. Он, пока тело спит, систематизирует всю полученную за день информацию – образы людей, эмоции, тактильные ощущения, наши мысли, и выдает, некий, местами странный, фильм. Забавно, но персонажи снов могут быть составными образами. То есть, если вы видите во сне уродливого человека, вполне возможно, что его внешность состоит из частей неприятных вам людей. Глаза как у того парня, что вечно приставал к вам в школе и заби-

рал карманные деньги, нос как у соседки – сплетницы, губы как у главного злодея в любимом фильме.

Самое интересное, что все происходящее во сне воспринимается как должное. Вы можете скакать верхом на чайном пакетике, по прямоугольной радуге, вооружившись мыльными пузырями, чтобы победить королеву огурцов. И это будет абсолютно нормально, ведь чайные пакетики – самые быстрые скакуны, радуга всегда была прямоугольной (какой еще ей быть?), мыльные пузыри смертельны в умелых руках, а королева огурцов – настоящий тиран, который не дает покоя мирному населению уже много лет. И лишь по пробуждению приходит осознание полной абсурдности увиденного.

Бывают сны такие, что их не отличить от реальности. События, происходящие в них настолько настоящие, что по пробуждению не понимаешь, сон ли это был. А если и сон, то не было ли в нем какого-то знака свыше? (чаще такой вопрос возникает у людей, которые видят знаки абсолютно во всем) Потому, что сны такими быть не могут. Половину их забываешь, эмоции почти не испытываешь, видишь все слегка размытым. А здесь же и помнишь каждую мелочь, и эмоции даже по пробуждению никуда не делись, и детализация была на высшем уровне. Обычно после такого сна следует пересказ его содержания жене, мужу, другу, брату или другим людям, которым совершенно необходимо это услышать.

Как бы забавно это ни звучало, но именно такой сон был

у меня.

Я оказался в своей квартире. Просторная трешка в центре Красноярска, которая досталась мне от бабушки и дедушки, с неплохим, но уже устаревшим, ремонтом. Все стояло на своих местах, не было ни одной лишней детали, ничего необычного, за исключением того, что по квартире передвигался другой я и собирал костюм. Вот, этот я перебирает старый хлам. Достает из него старый дедовский плащ, примеряет его, копается в вещах, находит черную кофту с капюшоном...

Да это же события сегодняшнего дня! Просто по какой-то причине я наблюдаю за ними со стороны, полностью осознавая, что нахожусь во сне. Я попытался выйти из дома, но мне просто не удавалось переступить через порог, будто мешало какое-то силовое поле. По квартире перемещаться можно было свободно, а вот за ее пределы ни-ни. Что ж, тогда прогуляемся.

Я пошел до маминой спальни. Мама только закончила разрезать юбку для своего костюма и аккуратно собирала со своей кровати оставшиеся куски ткани и ниточки. Вдруг она остановилась, прислушалась к тому, чем занимается Антон, который я, и ее рука устремилась под подушку. Оказалось, что там была припрятана пол-литровая бутылка коньяка. Озираясь по сторонам, мама открыла крышку, и сделала пару внушительных глотков, поморщилась, убрала его на прежнее место, и продолжила прибираться.

Мама- мама, ты же обещала... Подождите, что обещала?
Я же во сне.

– Хара, ты куда так смотришь?

Я обернулся на голос Антона и увидел нашу кошку, которая внимательно меня разглядывала. Вот тут стало не по себе. Сегодня вечером она сидела на том же месте, что и сейчас, и смотрела куда-то в пространство, когда я задал ей этот вопрос. А теперь на месте пространства стоял я.

Раздался звук приложения «Такси», оповещая, что машина подъехала. Значит, вот-вот я буду стоять перед зеркалом и отпущу ту самую шутку. Это был второй шанс разглядеть отражение и удостовериться – не показалось ли мне. Разумеется, если все будет и дальше идти по сценарию.

Под пристальным взглядом кошки, я быстрым шагом пошел в сторону Антона. Мне проще было осознавать, что я иду к кому-то, а не к самому себе. Просто если представить, что я из сна, иду к другому я из сна, который не я, чтобы увидеть отражение меня – не меня, которое выглядело не как я, но не я – я, а не как другой я, то можно просто сойти с ума.

Тем временем Антон крутился у зеркала, придирчиво осматривая свой костюм.

– Ну, что тут скажешь, Смерть, которую этот мир заслуживает.

А вот тут началась фантастика. В отражении вместо Антона появилась Смерть. Примерно такая как ее и рисуют. Скелет, в черном балахоне с косой. Только коса была не обыч-

ная, которой косят траву, а какая-то пафосная что ли. Длинное изогнутое древко из темного дерева, и, внушительных размеров, черное лезвие с серебряной окантовкой по краю. А еще ее (его?) глазницы были, словно, подсвечены изнутри холодным голубым светом.

На секунду я замер, но вспомнив, что это сон, успокоился. Я просто наблюдал со стороны, как Смерть разглядывает Антона. Вот, мама заговаривает с ним, Антон отворачивается от зеркала, а Смерть остается неподвижной еще мгновение, а затем переводит взгляд на меня. Стало жутко. Не могу сказать, что меня сковал страх, как никак, было понимание нереальности происходящего, но тем не менее было не по себе. Не успел я опомниться, как Смерть ушла (или все же ушел?) за раму зеркала, и в нем снова появился Антон. Краем глаза я заметил, как Хара проводила ее взглядом. Интересно. В реальности я этого не замечал.

Далее сюжет сна никак не отличался от прожитого вечера. Мама и Антон сели в такси и поехали в бар. Я так же сел к ним в машину на переднее сидение, и меня, по прежнему, никто не видел. Мы доехали до места, встретили Вадю, все вместе спустились в бар, заказали пиво, все было то же самое, просто наблюдал я это с другого ракурса.

Я честно пытался проснуться. Иногда у меня случались осознанные сны. Это когда ты понимаешь, что спишь и можешь контролировать ситуацию. Обычно в такие моменты я начинаю летать, или разжигать в ругах огонь. Когда мне это

надоедало, то стоило захотеть, как сразу открывались глаза. Здесь же это было бесполезно. Просто что-то не давало мне пробудиться.

– Люди. Испокон веков...

О, Антон начал свою приветственную речь. Честно говоря, со стороны она выглядела слишком пафосно, и местами нелепо. Но, судя по выражению лиц гостей, им нравилось.

– Я – Смерть! – прогремел Антон. Его голос, казалось, прозвучал на весь город, а от самого Антона пошло голубое сияние.

Вот такого в реальности не было. Да, заключительную фразу я сказал громко, но чтоб так – нет. Неосознанно мой взгляд перескочил на старое зеркало углу бара. Да, Смерть была там, и она улыбалась.

На самом деле, довольно сложно, заметить улыбку у того, у кого нет губ. Да что там губ, у нее вообще не было ни кожи, ни мяса. Я просто знал, что она улыбается, или же руководствовался воспоминаниями и подбивал их под ситуацию.

По зеркалу пошла мелкая рябь. Это напоминало водную гладь, в которую бросили небольшой камушек. Меня ни сколько не удивило, что никто из присутствующих не обращал на это никакого внимания. Казалось, что если бы кто-то целенаправленно сейчас смотрел на зеркало, то не увидел бы ничего подозрительно. Внутри было какое-то понимание, что это вижу только я. В конце концов, это мой сон, мое воображение и все идет по моему сценарию. Или же нет?

Смерть сделала (пусть, все-таки, это будет она) шаг вперед. Я думал, что поверхность стекла натянется как пленка, под натугой выступающей вперед ноги, а когда натянется до предела, просто порвется, но такого не произошло. Смерть просто вышла из зеркала, лишь усилив на нем рябь, которая через несколько секунд успокоилась и приняла прежнюю гладкую форму. Сейчас она стояла среди гостей и молча наблюдала за тем как проходит конкурс.

Было в ее фигуре что-то величественное. Не смотря на то, что это просто персонаж странного сна, она явно выделялась из всей толпы, и дело было не во внешности. От нее веяло силой, мудростью и покоем. Все вокруг, хоть и было цветным, смотрелось серо и невзрачно рядом с ней. Она была ярко- черной, как бы странно это не звучало.

Когда гости начали пить «кровь девственниц», я заметил, как Смерть улыбается. Это больше нельзя было списать на память потому, что ничего подобного я не видел. Не смотря на то, что лицо Смерти заменял абсолютно голый, чуть желтоватый, череп, на нем были видны эмоции. Я видел как она моргала, как удивленно поднимала бровь, хоть бровей у нее в помине не было, я даже видел как она дышала, хотя казалось чем ей дышать-то... Все это было исключительно на уровне понимания и ощущений. Словно я видел одновременно глазами и чувствами.

Вот, закончился конкурс, Абилардо стал «Предводителем», и Смерть аплодировала ему вместе с толпой, разбав-

ляя звук хлопающих ладоней, стуком костей. Боже, как это было странно...

Я заметил, как мы с Вадиком идем к зеркалу, а это означало, что у нас уже состоялся разговор на тему моих опасений. Смерть последовала за нами и с интересом наблюдала за тем, как Вадя кричит «Я- Смерть! Я – Тьма!». Теперь был черед Антона.

– Я – Смерть! – неуверенно произнес Антон.

Отражение никак не изменилось, как и в тот раз, когда я сам стоял перед этим зеркалом. Зато Смерть внимательно посмотрела на Антона и шумно втянула воздух... Эм... Носом? На ее лице появилось удивление, которое, через пару секунд, сменилось добродушной улыбкой. Я никогда не мог подумать, что, абсолютно не меняющееся внешне, лицо может выражать такие яркие эмоции.

Следующий тридцать – сорок минут никак не отличались от того, что было в реальности, за исключением нового эпатажного гостя, который гулял среди посетителей, изучал меню бара и разглядывал людей. Во время второго конкурса, Смерть искренне смеялась своим ледяным смехом, наблюдая за «бесовскими танцами» двух девиц и Абилардо, а на Наташу она смотрела равнодушно, и даже, слегка сочувственно.

Конец конкурса, аплодисменты (Смерть оживленно хлопала в ладоши), бокал эля, диалог с Наташей, этот взгляд, тянущиеся друг к другу губы... Смерть тактично отвернулась.

Надо же какая приличная. А вот и Абилардо со своей провокацией.

Конфликт только начал зарождаться, и я заметил, как голубое сияние окутало Антона. Я не знаю что это было, аура, биополе, или какая-то энергия, но выглядело это очень эффектно.

– Ну, значит, потом поговорите, – сказал Абилардо, заставляя Антона встать.

Сияние сменилось настоящим огнем. Энергия или что бы там ни было, окутывала тело Антона голубым пожаром. Это напоминало какие-то японские мультики, где главный герой начинал светиться, или у него загорались руки, и потом он начинал громить всех направо и налево. Вот только это не мультики, а реальность. Ну, как реальность? Сон... Еще одна странная деталь была в том, что рука, которую Антон положил на солнечное сплетение противника, была костяной. Точь-в-точь как у Смерти.

– Что с тобой? – испуганно произнес Абилардо, вызвав улыбку у Смерти.

Толчок. Триумфальный полет жеребца, грохот падающих стульев, удар об стену. Красиво. Эта сцена достойна высокобюджетных американских фильмов. Вот «герой кино», принимает сидячее положение и озирается по сторонам. Его окружили ни то Духи, ни то Тени. Это были какие-то существа, словно приведения. В них была легкость и прозрачность, в то же время телесность. Словно какая-то тем-

ная энергия приняла форму людей. У них не было лиц, волос и каких-то половых признаков. Словно манекены, но не из пластика, а чего-то темного и невесомого. Тени начали хватать Абилардо за руки, но он вырывался и вопил:

– Что вам надо?! Кто вы?! Не трогайте меня! – обороняясь еще с минуту, он выкрикнул – Вы, что, их не видите?! Бегите! Бегите!

Как и в реальности, после этих слов Абилардо убежала из бара. Тени остались стоять на месте, повернув в его сторону отсутствующие лица. Лишь убедившись, что жеребец скрылся, они просто растаяли в воздухе черным дымом.

– Неужели это все было на самом деле? – спросил я сам себя.

– Ну, ты же сам все видел, – сказала Смерть.

– Я понимаю, просто вчера ничего подобного не было. Абилардо просто махал руками и убежал, а сейчас я вижу как... – я осекся.

Рядом со мной стояла Смерть и выжидательно на меня смотрела. У нее был красивый, но холодный голос. Когда она говорила, ее рот не открывался. Казалось, что ответы приходят сразу в мою голову, даже не касаясь моих ушей.

– Ты... Вы... – запинаясь, начал я.

– Можно на «ты» – Смерть была невозмутима.

– Ты. Ты говоришь со мной? – у меня от неожиданности спутались все мысли.

– С тобой – подтвердила она.

– И ты Смерть?

– В твоём понимании – да.

– В моём понимании? – удивился я.

– В этом мире у меня много имен – Четвертый Всадник, На Конне Бледном, Морана, Санта Муэртэ, Азраил, Угрюмый Жнец, Кали, Смерть, и еще великое множество других. Зови меня как угодно, суть от этого не поменяется.

– Так, стоп. Мы находимся во сне, и ты один из его персонажей... – сказал я, и неуверенно добавил. – Мы же во сне?

– А это тебе решать, — ответила Смерть.

— Мне решать? – не понял я. – Подожди, я знаю, что сплю. Все происходящее вокруг, уже было. Это не может быть реальность.

– Это может быть другая плоскость. Подумаешь об этом по пробуждению. Сейчас это не имеет значения.

– Так я все-таки сплю! – подытожил я.

– Спишь. Но сон это или нет – решать тебе. Мы еще поговорим об этом.

— Поговорим? Почему ты хочешь говорить именно со мной? – я хотел спросить о другом, но путаница в мыслях породила именно такой вопрос. Надеюсь, Смерть поняла о чем я.

– Ты сам позвал меня по имени. Ты назвал себя моим именем. И я дам тебе возможность... А сейчас – подъем!

Картинка вокруг меня закрутилась. Я успел увидеть как Антон и Вадик ведут маму, обиженное лицо Наташи, Те-

тю Галю наливающую пиво в охлажденную кружку. Увидел Смерть, что таяла в воздухе, но не сводила с меня глаз (в ее случае глазниц). А потом все краски закрутились, словно в детском калейдоскопе, засасывая меня куда-то в центр этого пестрого водоворота. Я проваливался все глубже и глубже, уже не понимая, стою я, сижу или лежу, не понимая где верх, а где низ. И когда я приблизился максимально близко к центральной точке этого буйства красок, я открыл глаза.

Пробуждения могут быть разными. Можно проснуться от надрывающегося будильника, которых хочется задушить, от первых лучей солнца, которые просочились через плотно задернутые занавески. Можно проснуться от поцелуя любимого человека и невольно растянуться в улыбке, а можно от кошмара, в холодном поту и тяжело дыша.

Мое пробуждение ближе всего было к последнему варианту, хоть вовсе и не кошмар мне снился. Я сидел на кровати и приходил в себя от реалистичности сна, и когда мне это почти удалось, в голове прозвучал знакомый голос:

– Скоро я приду к тебе, и мы договорим.

Очевидно, последствия сна...

Часы на телефоне показывали семь утра. Я встал и нервно прошелся по комнате. Сон оставил после себя неприятный осадок того, что теперь все будет по-другому. Жаль, что было не понятно, что именно «все» и как по-другому. Я набросил на себя халат и вышел на балкон покурить. Благо в квартире было два балкона. Один в гостиной, где сейчас распла-

ставшись на диване и, наверняка, похрапывая, спит Вадя, а второй в моей комнате.

Глубоко затянувшись, странно, первая сигарета за день даже не пьянила (наверное, потому, что последняя была не так давно), я начал разглядывать улицу. Настоящая зима. Да, я знаю, что сегодня первое ноября и, по сути, это осень, но это Зима. Именно так, с большой буквы. Термометр, аккуратно прикрученный за окном, показывал двадцать семь градусов мороза. Редкие люди, которым в воскресенье нужно было на работу, шли, опустив головы, стараясь сильнее закутаться в пуховики да дубленки. Какая-то женщина вышла гулять с собакой, и даже собака была в пуховике, который, судя по всему, ее не спасал. Она пробежала метров пять по сугробам, очень быстро сделала свои собачьи дела, и поджимая лапки побежала в сторону хозяйки. Женщина всплеснула руками и торопливо увела своего четвероного друга домой. Попробуйте рассказать европейцам или американцам о сибирской осени, и у них отвиснет челюсть. А если это рассказать жителю, например, африки, то он однозначно сойдет с ума.

Я сделал последнюю затяжку и почувствовал в горле привкус подгоревшего фильтра. Поморщившись, я отправил сигарету за окно. Да, знаю, это некрасиво. Который раз зарекаюсь завести на балконе баночку под окурки, и который раз про это забываю. Хоть напоминание в телефоне делай.

Скинув халат, я улегся на кровать. Было невыносимо при-

ятно закутаться в теплое одеяло из овечьей шерсти, после холодного балкона. Остатки сна растаяли вместе со скуренной мной сигаретой, и теперь я просто смотрел в потолок, размышляя о диалоге со Смертью. Не могу сказать, что я полностью поверил в реальность происходящего, но и отрицать это было бы ложью. Как там она сказала – «другая плоскость»?

Никаких мыслей в голову не шло. То ли это было за гранью моего понимания, то ли мозг не успел пробудиться окончательно. Еще с полчаса я пытался уснуть, но это никак не выходило. В какой-то момент я почти задремал, но растянувшаяся на моей подушке Хара, во время ленивого утреннего потягивания, залезла мохнатой лапой мне в глаз. А потом, словно извиняясь, начала вылизывать мне нос шершавым языком.

Смирившись с тем, что поспать мне больше не удастся я пошел в душ. В ванной из зеркала на меня взирал тот же я, только с немного опухшим лицом – последствия вчерашнего пива. Придирчиво осмотрев отражение, я пришел к выводу, что необходимо побриться. Вообще, борода у меня практически не росла, но раз в три – четыре дня приходилось сбривать редкую щетину, что пучками пробивалась на моем лице.

«Прихорошившись», я встал под струи горячего душа. Почему-то я чувствовал себя чистым, только приняв именно горячий душ. Теплый, холодный, контрастный и горячеватый душ были не для меня. И это было настоящей про-

блемой, когда проходили плановые отключения горячей воды. Ну не мог я достичь удовольствия, поливая себя с ковшика, нагретой на плите водой. А бойлер не покупал, видимо, из-за внутреннего протеста этому самому отключению. В такие моменты я часто вспоминал старую шутку – «Россия 2150-й год. Машины летают. На Марс собирают туристические группы. Горячую воду отключают на десять дней».

Закончив все необходимые подготовительные процедуры, чтобы почувствовать себя человеком, я перешел к финальной и самой главной – к завтраку. Взбив восемь яиц с молоком, аккуратно вытащив из содержимого остатки скорлупы, которые ловко пробрались в мой будущий завтрак, я принялся нарезать сосиски и помидоры. Потому, что без этого омлет и не омлет вовсе.

– Живин, тебе чего не спится? – раздался сонный голос Вадика из-за спины. – Мало того, что воскресенье, так еще и отпуск. Спи себе и спи. Но нет же, восемь утра, он уже помытый и завтрак готовит.

– Да вот... Не спится... – продублировал я. – Кушать будешь?

– А то! – весело сказал он. – Сейчас я только схожу, коня привяжу...

Вадя ушел в сторону туалета, а я продолжил заниматься завтраком. Омлет оказался на раскаленной сковороде и аккуратно помешивался деревянной лопаткой.

– Аж жить легче стало! – облегченно сказал друг, возвра-

щаяся на кухню.

– Поздравляю. Сделаешь чай?

– Да, конечно, – Вадя поставил кипятиться чайник. – Мне сегодня такой сон приснился...

Я наострил уши. Если он сейчас начнет рассказывать про то, что наблюдал события вечеринки со стороны, то в пору искать какого-нибудь экстрасенса, мага или колдуна, чтоб он в этом разобрался.

– Во сне я был в Таиланде, – у меня отлегло от сердца. – Самое интересное вместе со мной там быликакой-то греческий воин и его жена.

Дальше был безумный рассказ о приключениях этого трио. Они весело поедали жаренных тараканов и запивали их кокосовым соком. Местами казалось, что Вадя приукрашивает события сна, чтобы они казались забавнее. Но вдруг он осекся:

– А потом я оборачиваюсь, а рядом стоишь ты. Ты, но, словно, не ты...

– Я но не я? – переспросил я.

– Ага. Ну, вернее, это был ты, но другой. Повзрослевший что ли... А еще одежда у тебя была странная такая. Похожая на твой костюм вчерашний, но не из обносков. У тебя была полноценная мантия, с глубоким капюшоном. А, и коса у тебя была! Не из швабры сделанная, а настоящая коса. Лезвие такое длинное, черное с серебром, красивое. Антон, у тебя омлет горит!

Я замер над сковородой с лопаткой в руках. Нет, это уже не могло быть совпадением. Вокруг меня действительно творилось что-то странное.

– Вадя, что было дальше? – взволнованно спросил я.

– А что дальше? Я тебе предложил таракана, жирненького такого, и говорю, мол, «Антон, дружище, держи таракана, перекуси!» А ты такой, грустно посмотрел на меня и говоришь «Нет, Вадя. Я занят. Сейчас продавец умрет, мне его проводить нужно». И тут, представляешь, продавец хватается за сердце и умирает. Ты жеходишь к нему, косой взмахнул и продавец встал! Вернее он остался лежать, но встал призрак продавца! И ты его увел куда-то. А потом я проснулся, – закончил Вадик. Посмотрев на мое лицо, он спросил. – Антон, все нормально? И, давай, лучше я омлет дожарю...

– Вадя, это дурдом какой-то! – я передал лопатку другу, и отошел от плиты. – Мне тоже сегодня приснился сон...

Я пересказал ему свой сон во всех подробностях. За это время он уже успел дожарить омлет, сделать нам чай, и накрыть на стол. Под конец моего рассказа Вадя уже во всю кушал, а я даже не притронулся к еде, чтобы не отвлекаться.

– Ну, – начал было, Вадик, протягивая кусочек сосиски Харе. – Это, несомненно, странно. Но ты не думал, что наши сны могли быть навеяны событиями вчерашнего вечера?

– Думал, – я смотрел как моя кошка с аппетитом съела свое угощение, и терпеливо ждала новую порцию. —Но это

было слишком реально. Я думаю, что это все как-то связано. Зеркала, драка в баре, наши сны. Это не случайно.

– Возможно. А возможно, дело в том, что мы просто выдаем желаемое за действительное, – рассуждал Вадя. – Нет, я ничего не исключаю, даже то, что Смерть приходила в твой сон, правда. Вот только почему? Как она там сказала? У тебя будет возможность?

– Ты позвал меня по имени. Ты назвал себя моим именем. И я дам тебе возможность. Как-то так, – ответил я.

– Возможность чего? Быть Смертью?

– Без понятия.

– Я читал книги про что-то такое. Там Смерть себе ученика брала, а сама, вернее сам. В той серии Смерть – мужчина. А сам ходил на рыбалку, напивался в баре. Книги классные, но это книги. А тут реальная жизнь. Если и есть такое существо как Смерть, то мы увидим ее только один раз и то, не при самых лучших обстоятельствах – Вадик замолчал.

– Я понимаю.

И, я правда понимал. Обычный парень с Красноярска становится Смертью, начинает провожать души в царство мертвых и занимается своими смертельными делами. Тянет на сюжет для фантастического романа. Особенно, если добавить сюда девушку, врагов, или врага, ну, и сменить место жительства главного героя на Москву или Санкт-Петербург. Потому, что главный герой не должен жить в провинциальном городке.

А тут, как верно подметил Вадя, не книги, а реальная жизнь. И в реальной жизни таких чудес не бывает.

Завтрак продолжался за разговорами на отвлеченные темы, и плавно перешел в чаепитие. Мы старались не думать о наших снах. Хотя бы потому, что не знали, что тут думать. Хара крутилась у наших ног, в надежде получить какое-нибудь угощение. Ее поведение напомнило мне, что я совсем забыл ее покормить. Насыпав корм в чашку, я получил благодарное «Мяу!», и вернулся пить свой чай.

– Ладно, надо домой идти. Сегодня еще родителей надо по магазинам свозить, – сказал Вадик.

– Передавай им от меня привет.

Я закрыл дверь за Вадей и пошел на балкон за очередной порцией никотина. По пути в комнату я встретил маму и кивнул ей, что символизировало «Доброе утро». Разговаривать с ней не хотелось. Глупо, наверное, но после таких ее пьянок, меня весь следующий день грызла обида. Мама это прекрасно знала, поэтому не пыталась со мной разговаривать ближайшие двадцать четыре часа. Иногда дольше, если вечеринка совсем «удалась». Со временем я просто остывал, и мы начинали общаться как ни в чем не бывало.

Докурив, я включил компьютер и залез в интернет. Как там Смерть говорила, «другая плоскость»? Так, посмотрим. Параллельные миры, параллельные миры, «кротовые норы», путешествие во времени, параллельные миры...

Перелопатив тонны информации и пересмотрев несколь-

ко документальных фильмов, я пришел к выводу, что ничего не понял. Половина статей рассказывали о теории параллельных вселенных, которые, хоть и были интересные, но имели мало отношения с моим сном. Другая половина была полна, слишком фантастических историй, из разряда: «Я шел вечером через лес, зашел в овраг, заполненный зеленым туманом, и оказался в мире, где живут волосатые чудовища. Я чудом оттуда сбежал в наш мир, но оказалось, что прошло двадцать лет».

Единственное, на, что я обратил свое внимание, был короткий рассказ, который не имеет никакого отношения к исследованиям других миров. В нем говорилось о человеке, который жил в наше время и умер. Он попал к Богу, поговорил с ним, и Бог решил отправить его обратно на землю – переродиться. При чем, переродиться ему было суждено в женщину, которая жила в четвертом веке до нашей эры. Разумеется, мужчина был удивлен, как это возможно. На что ему было сказано, что понятие времени работает исключительно для людей, и то потому, что было ими же придумано.

Вот это уже было похоже на происходящее со мной. Только я не умирал (я надеюсь. Хотя, это бы объяснило встречу со Смертью). Я просто просматривал то, что уже было, но с другого ракурса. Вопрос в том – как? Ответа на этот вопрос я не нашел.

Так же я начал искать информацию о людях, которые получили силу Смерти. Вот тут я не нашел вообще ниче-

го стоящего. Несколько сайтов с каким-то мультсериалом, ссылки на книги «Плоский Мир» Тэрри Пратчетта (видимо, о них говорил Вадя), и сайты юных эзотериков. Эзотерические сайты было читать интереснее всего. Подростки, называющие себя звучными именами, типа: «Свет Несущий», «Вельзевул» и «Бафамет», обсуждали, как навести на человека порчу на смерть, или любые другие страшные проклятья. Кто-то уверял, что необходимо варить фотографию «жертвы» с солью и перцем, кто-то советовал посыпать могильной землей, а один парень уверял, что фото нужно измазать внутренностями лягушек, воронов и крыс. Страшно представить, что эти ребята, после школы, собираются на кладбищах, в лесах или на заброшенных стройках, и препарируют бедных животных, чтобы наказать «обидчиков».

– Антон, ты голоден? – осторожно поинтересовалась мама.

– Нет, я же недавно кушал, – холодно ответил я.

– Недавно? Ты время видел?

Ничего себе! Время было восемь вечера. Это я весь день просидел за этими статьями, фильмами, и сайтами про магию. Действительно магия какая-то!

– Да, сейчас иду.

Я пришел на кухню. Мама всю суетилась- накладывала жареную курочку, на стол выставила тарелку с салатом, заварила травяной чай.

– Ты как так весь день за компьютером- то просидел? – ей

нужно было спросить что угодно, чтобы завязался разговор. Потому, что когда люди разговаривают, то создается видимость, что все нормально. Молчание же давит.

– Да, честно говоря, сам не понял. Сидел, читал- читал, и вот...

– Антон, прости за вчерашнее. Я не знаю как так получилось, – виновато сказала мама.

– Да ничего, – в моем голосе еще присутствовал холод.

– Меня девчонки сегодня на коттедж зовут отдохнуть. Бани, шашлыки, природа...

– Алкоголь, – съязвил я.

– И алкоголь, – мама выдохнула. – Я постараюсь держать себя в руках, честно. Но мне хочется поехать. Как раз на работе завала нет, и меня отпускают.

– Да езжай, конечно. Я все понимаю, – уже более мягким тоном сказал я.

Ужинать мы начали молча. Примерно через пять минут раздался звонок, что за мамой приехали. Она быстро доела курицу, чмокнула меня в щеку и ушла. Дальше компанию мне составляла только Хара, которая умывалась после еды.

– Ну, что, подруга, а ты как считаешь, это просто сны, или что-то большее? – обратился я к кошке.

– Мрр-р – ответила кошка, вопросительно взглянув на меня.

– Вот и я так думаю, – я сделал вид, что понял о чем она. Так, наверное, делают все хозяева животных. – Пошли даль-

ше лазить в интернете.

Посуду было решено помыть завтра.

Хара пошла за мной, запрыгнула на компьютерный стол и с интересом смотрела в монитор. Иногда даже била лапкой всплывающие окна и рекламу. А я все искал.

Спустя еще два часа, когда глаза окончательно устали, я решил прекратить это гиблое дело. Никакой новой информации я не нашел. Зато теперь, однозначно, я был самый сведущий в вопросе параллельных миров и безумных историй, парень в городе. Но, как бы там не было, определенная картина в голове сложилась.

Если брать теорию, что все в мире возможно, то получалось, следующее. Я назвал себя Смертью и она это услышала. Сначала она присматривалась ко мне через зеркала, а потом защитила в драке потому... А почему? Допустим, потому, что я ей понравился. После, во сне, она мне показала, как это все происходило на самом деле. Зачем? Я не знаю.

Теория была очень натянутой, но с осознанием того, что я впустую потратил десять или одиннадцать часов своей жизни, я никак не мог смириться. Пусть лучше будет вывод, хоть какой-то.

От всех этих размышлений захотелось курить. Я вновь вышел на балкон, достал сигареты, подкурил, затянулся. Белый дым клубами, вперемешку с паром, выходил из моего рта. Нет, было в этом процессе что-то чарующее. Знаю, что курить вредно, и, скорее всего, вреднее, чем я думаю, но что-

то в нем было. Как будто на время медленного умирания сигареты, ты отлучаешься в другой мир. Куда-то внутрь себя.

Я мог бы долго рассуждать на эту тему, если бы не голос позади меня. Холодный, спокойный, пугающий. Не во сне, а наяву.

– Пора нам договорить. Я не люблю заставлять ждать.

ГЛАВА 3

Вы когда-нибудь испытывали страх?

Я понимаю, что страх может быть абсолютно разным. Страх перед экзаменами, страх быть брошенным, страх не оправдать ожидания родителей. Но это, скорее, волнение и неуверенность в себе. Я же говорю о настоящем страхе. Который делает мышцы деревянными. Который липкими объятьями окутывает с ног до головы. Когда даже забываешь дышать.

Помню лет пятнадцать назад мы с дедом ходили в лес за грибами. Дед у меня был просто золотой! Рыбак, грибник, мастер на все руки. А какие он истории рассказывал – просто заслушаться можно. Он передавал свои умения мне, но рыбалка не впечатляла, а вот собирать грибы – это да!

Так вот, взял он меня с собой по грибы, в самую, что ни на есть, тайгу. Глухую и дремучую. Набрали мы тогда целый кузов груздей, уже представляли, как едим их со сметанкой. Развевал наши грезы медведь, который вышел к нам из малинника.

Вот тут был страх. Настоящий и животный. Но в силу моего юного возраста, я воспринял все происходящее гораздо спокойнее. Для меня мишка да мишка. Дед же стоял скованный страхом и не мог пошевелить ни одним мускулом. И лишь некая неведомая сила, заставила его подхватить ма-

ленького меня и бежать со всех ног, выкидывая, на ходу, все съестные припасы. Медведь пробовал идти за нами, но открытая банка сгущенки и колбаса заинтересовали его куда больше. Иногда я задумываюсь, что если бы не та самая неведомая сила, то не было бы ни меня, ни деда, ни груздей со сметанкой.

Сейчас «неведомая сила» спала. Я бы, может, и хотел бы убежать, но, словно, забыл как это делается. К тому же, если подумать, и бежать- то некуда. В дверном проеме балкона стояла Смерть, за мной окно, но там четвертый этаж. Попробовать, конечно, можно было бы... Если что, то как раз и Смерть рядом.

Шутки в сторону. Передо мной правда стояла Смерть. Такая же как во сне, только настоящая! Она выжидательно смотрела на меня.

В воздухе повисла тишина. Я судорожно моргал, в надежде, что когда, в очередной раз, открою глаза, окажется, что мне все привиделось. Но реальность уверенно твердила об обратном. Постепенно обретая себя, я поднес к губам потухший фильтр сигареты и несколько раз затянулся. Понемногу возвращался и разум. Не сводя глаз со Смерти, я выкинул бычок, и потянулся за второй сигаретой. Другой рукой я нащупал старый резиновый сапог.

– Уверяю тебя, в этом нет необходимости. Я здесь чтобы поговорить. – спокойно сказала Смерть.

– А... Договорим потом, да? – я старался сделать голос

ровным, но он отчаянно сопротивлялся.

– Да. Не нужно бояться, я не причиню тебе вреда.

– Послушай, я ничего не понимаю. Я просто Антон, из Красноярска. Я обычный бармен. Я стараюсь жить правильно, и поступать по совести. Никого не убивал, умирать не планирую... Почему я? – я начал успокаиваться. Сейчас хотелось просто разобраться что к чему.

– Антон, я знаю о тебе все. Даже больше чем знаешь о себе ты. Если я здесь, на это есть причины.

Смерть была невозмутима. Она пришла за разговором, но причину разговора пока не называла. Создавалось ощущение, что она дает мне время полностью прийти в себя, и задать интересующие меня вопросы. Вот только какие вопросы? Голова не работает.

Многие думают, что в экстренной ситуации смогут сохранить холодную голову. Один мой знакомый был того же мнения. Но когда загорелась его квартира, вместо того, чтобы собрать документы и деньги, он быстро закинул в сумку домашние тапочки, батон и ошалевшего кота. Вот и у меня так же.

– А твой облик. Откуда художники, рисовавшие тебя, знали как ты выглядишь? Ты тоже им являлась? – ничего лучше мне в голову не пришло.

– Я выгляжу так лишь потому, что твое подсознание рисует мне этот образ.. Я выгляжу как все и как ничто одновременно. Я – энергия. Но, чтобы тебе было спокойнее...

Скелет начал таять густым дымом. Теперь вместо него, передо мной стояла красивая, худенькая девушка нордической внешности, на пол головы ниже меня. У нее были длинные светлые волосы, белая кожа и острые черты лица. На вид я бы ей дал не больше двадцати пяти лет. Единственное, что ее выдавало, это глаза. Большие, ядовито – голубые и неизменно глубокие и мудрые. Она была очень привлекательной, и я бы обязательно попытался с ней познакомиться, встретить ее на улице. Разумеется, если бы не знал, что она является Смертью.

– *Так лучше?* – спросила она. Теперь ее губы шевелились, но голос не утратил прежнего холода.

– Определенно, – не в силах оторвать от нее взгляд, сказал я. – А то, что мы разговариваем на одном языке? По той же причине?

– *Именно. Даже слова, которые я говорю – следствие твоего восприятия. Высшие силы всегда говорят с людьми, просто, в большинстве случаев, их голос воспринимается как собственные мысли. Представь, что Бог решил дать подсказку прожужженному алкоголику, который разговаривает на материнском языке. Если бы в голове такого человека запели ангельские голоса, а изложение пошло на церковно – славянском языке, он бы решил, что сошел с ума. А вот если бы в привычной ему манере, то он бы воспринял все как свои мысли, и, сам того не ведая, избежал бы ошибок, – Смерть ухмыльнулась. – Мир- отражение вашего вос-*

прияття.

— Да, это логично, — задумавшись сказал я.

Я уже был практически спокоен. Несмотря на всю неоднозначность ситуации, страх отходил. Да и вообще, со Смертью было общаться очень легко, словно со старым другом. То, что она объясняла, было очень доступно, и легко воспринималось. Видимо, на самом деле, она говорила со мной в манере понятной мне.

Понемногу я начал замерзать. Мы продолжали стоять на балконе, а за окном был, далеко не май месяц. Мороз медленно, но верно проникал куда-то вглубь меня, на что тело отзывалась легким потрясыванием.

— *Может, пойдём в тепло?* — с заботой спросила Смерть.

— Да. Хочешь чаю? — спросил я, и лишь через секунду понял всю абсурдность своего вопроса.

— *Почему бы и нет?* — улыбнулась Смерть, окончательно меня шокировав.

На секунду задумавшись, я отложил сапог, которым хотел огреть Смерть, и мы пошли в сторону кухни. Краем глаза я заметил, что Хара пошла за нами. Пока я ставил чайник и доставал кружки, она запрыгнула на колени Смерти и требовательно мяукнула.

— Кошки тебя видят? — удивленно спросил я, наблюдая как Смерть почесывает мурлыкающую кошку за ухом.

— *Конечно.* — она перевела на меня взгляд. — *Кошки видят другие миры и их обитателей. С собаками не так. Они чув-*

ствуют, но видят редко.

Я поставил две кружки чая на стол. Подумав немного, поставил еще и вазу с конфетами. Нет, ну если Смерть пьет чай, почему бы ей и конфеты не есть...

– Благодарю, – улыбнулась Смерть и попробовала чай. – А можно разбавить холодной водой?

У меня голова пошла кругом. Вы можете себе представить, что у вас на кухне сидит «Четвертый Всадник Апокалипсиса», пьет чай с конфетками, и просит разбавить его водичкой, чтоб не горячо было? Я вот тоже не могу, но это происходит. Прямо сейчас.

Я, борясь с туманом в голове, встал и разбавил ей чай. Смерть осторожно сняла пробу, удовлетворенно кивнула, и потянулась за конфетой.

– Я знаю о чем ты думаешь, – начала она. – Что потихоньку сходишь с ума. Пойми, если я Смерть, это не значит, что я сижу в мрачном замке, перебираю древние манускрипты, и никогда не показываю эмоции. Мне не чуждо ничего человеческого, Антон. Я спокойна и холодна, но это не мешает мне испытывать счастье. Я мудра, но я могу дурачиться. Я везде и всюду, но это не мешает мне пить чай у тебя на кухне.

– Везде и всюду? – не понял я.

– Как ты думаешь, сколько людей умерло за то время пока я здесь с тобой? А сколько животных? Каждого из них я проводила.

– Но как ты можешь провожать кого-то, если ты сейчас со мной? Ты можешь быть в двух местах одновременно?

– *В двух?* – Смерть усмехнулась. – *Я везде и всегда. Прямо сейчас пожар в маленькой деревушке в Китае. Через сорок секунд от ожогов погибнет мужчина, двое его детей задохнутся угарным газом через полторы минуты. Мальдивы. Пьяный турист утонет через четыре минуты. Калифорния. Подросток угнал машину у родителей. Через двадцать семь секунд он попадет в аварию, в которой погибнет молодая семья и их собака. Подросток отделается травмами. Но все это далеко, возьмем твой город. Ночной клуб на окраине города. Прямо в эту секунду умирает девушка в туалете от передозировки наркотиков. Ее найдут через полчаса, но будет поздно. И это только несколько случаев.*

– Но откуда ты это знаешь? – ужаснулся я.

– *Я нахожусь во всех этих местах в данный момент.* – Спокойно ответила Смерть. – *Я живу в другом времени и пространстве, Антон. Я везде и нигде. И речь не только о моем местоположении. Я прямо сейчас нахожусь с твоей бабушкой. Она умрет через четырнадцать секунд от остановки сердца.*

– Но это же было три года назад! – воскликнул я.

– *В твоем понимании – да. Для меня – это сейчас. Вы привыкли думать, что время идет всегда в одну сторону, но это неправда. Времени, вообще нет. Но не нужно забивать себе этим голову. Мы живем на разных плоскостях бытия.*

Чтобы тебе было проще понимать, я из другого мира, в котором есть четвертое измерение.

Я слушал затаив дыхание. Рассказы Смерти были весьма интересны, но тяжело усваивались, постепенно разрушая мою привычную картину мира. Казалось, что все мои устои покосились, а все знания об окружающем были фальшивыми.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – спросил я.

– *Потому, что ты меня об этом спрашиваешь.* – Ответила Смерть.

– Это логично. Но почему? Почему не Ваде, например?

– *Потому, что я пришла к тебе.* — Улыбнувшись, ответила она.

Казалось, у нее на все есть простые ответы. Почему рассказываешь – потому, что ты спрашиваешь, а почему мне – потому, что пришла к тебе. Действительно.

– Ты же понимаешь о чем я... – меня постепенно охватывала злость.

– *Понимаю. Просто играю с тобой.* – Улыбнулась Смерть. – *Но, раз уж ты не даешь мне спокойно попить чай, то перейдем сразу к делу. Я хочу предложить тебе работу.*

– Что? Какую работу?

– *Мою работу, Антон. Я выбрала тебя.*

Все. Приехали.

– Опять тот же вопрос – почему именно я? Зачем это все? Да что вообще тут происходит? – меня трясло. Незаметно

для самого себя, я повысил голос.

– Я же сказала, я выбрала тебя. Я не взвалю на тебя все свои обязанности, ты не сможешь быть в нескольких местах одновременно. Поэтому отвечать ты будешь только за свой город, и только за людей в нем. И то, только за тех на которых я тебе укажу.

– Извини, конечно, за то, что спрашиваю одно да потому, но почему я? – я уже не мог скрывать раздражения.

– Я отвечу еще раз – я тебя выбрала. Если этот ответ тебя не удовлетворяет, то воспринимай это как жизненный этап, который тебе необходимо пройти, или как судьбу. Так лучше?

– Лучше. – Буркнул я. – А я могу отказаться?

– Можешь. Но тогда вселенная будет тебя сама вести к этому пути, постепенно забирая у тебя все, что отвлекает от твоего пути. Но не факт, что я сделаю тебе подобное предложение во второй раз. – Холодно улыбнулась Смерть.

– То есть выбор есть, но по факту его нет, верно?

– Воспринимай как хочешь. По факту я предлагаю тебе свою работу, с облегченными условиями потому, что, во-первых, это то, что уготовано тебе судьбой, а во-вторых, ты мне симпатичен.

— Я могу подумать? – растерянно спросил я.

– У тебя есть время до завтра.

– А как мне сообщить тебе о своем решении?

– Просто позови меня. – Улыбнулась Смерть. – А сейчас

мне пора. Благодарю за чай и за конфеты. Кстати, на будущее, я люблю зефир с шоколадом.

После этих слов, она погладила Хару, и растаяла в воздухе.

– Зефир в шоколаде... С ума сойти... – прошептал я сам себе.

Я чувствовал, что мне просто необходимо пойти покурить, а еще лучше выпить. Поэтому, недолго думая, я заглянул в свой домашний бар (тщательно спрятанный от мамы в диване) за бутылочкой джина, и смешал джин – тоник. Пил я не часто, но сейчас ситуация этого требовала как никогда ранее. Сделав глоток, я закашлял от неожиданной крепости. Видимо от нервов рука дрогнула и переборщила с алкоголем. Второй глоток, так же резко отдавал джином, но пошел куда мягче, оставляя во рту приятное послевкусие можжевеловых ягод. С минуту глядявываясь в стакан, я допил остатки и смешал еще один коктейль в той же пропорции – пятьдесят на пятьдесят, а точнее сто на сто.

Опьянение от джина наступало постепенно и очень мягко. Тепло расходилось по телу, порождая приятную легкость. Я затанулся сигаретой, добавляя новую порцию дурманящего тумана в голову. Это было даже хорошо. Мозгу необходимо было расслабиться, иначе он бы просто закипел.

Работа Смерти.

Несмотря на объяснения потенциального работодателя о жизненном этапе и судьбе, что-то не давало мне покоя. Где-

то внутри сидело чувство определенной недосказанности, вперемешку с пониманием того, что всю правду я не услышу. Разве что я могу попытаться ее узнать сам. Это уже воодушевляло.

В ходе полета мысли, я не заметил как истлела сигарета, подарив мне всего две затяжки горького дыма, которого организму не хватило. Организм требовал еще, но холод препятствовал моим желаниям. Однако хитрый мозг подсказывал, что пока мамы нет дома, курить можно прямо в квартире, все равно до ее приезда все проветрится. Благо уговаривать меня долго не пришлось. Уже добравшись до кухни (курить было решено именно там), и соорудив из блюда и мокрых салфеток некое подобие пепельницы, я с тоской посмотрел в стакан. В нем плескались остатки джин – тоника, скромно намекая на еще один коктейль.

– Ладно, ладно, – прошептал я в пустоту, наливая в стакан джин. – Но это – последний!

Джин это, конечно, вкусно, но переусердствовать нельзя.

Разместиться было решено на подоконнике, у приоткрытого окна. Всласть затянувшись новой сигаретой, я вернулся к своим рассуждениям.

На чем я там остановился? Ах, да, на том, что сам смогу найти ответы и меня это воодушевляет. Что у нас дальше? Сама работа. Скорее всего, речь идет о том, что я должен буду собирать души и провожать их в Царство Мертвых, попутно объясняя, что их час настал. Звучит не так уж и слож-

но, за исключением того, что не ясно как я буду это делать, где находится это Царство Мертвых, и как туда попасть.

А еще я смогу чаще видаться со Смертью. Ее внешность никак не выходила у меня из головы. В таких девушек влюбляешься сразу, абсолютно и бесповоротно.

Так, стоп.

Я опасливо посмотрел на джин-тоник и понял, что сейчас во мне говорит именно он. Бесспорно, Смерть была прекрасна внешне. Даже более чем прекрасна. Но, во-первых, ее внешность была моим представлением о ней, это, конечно, не озвучивалось, но понимание этого было. Во-вторых, это была Смерть. Не просто прекрасная девчонка из соседнего дома, а мифическое существо. Вернее существо, которое я всегда считал не более чем мифическим.

– Боже, о чем я сейчас думаю? – спросил я сам себя и закрыл лицо ладонями.

Голова гудела от мыслей, но все было не то. Я просто пытаюсь взвесить все за и против, найти плюсы и минусы данной «работы», иными словами, анализирую. Но сюда это не подходит. К моей ситуации вообще не подходят понятия логики или здравого смысла. Все сводится к одному – либо да, либо нет.

И все же, да, или нет?

Если отбросить в сторону все предубеждения, то получается, что мне выпала возможность погрузиться в самое невероятное приключение в моей жизни. Одному из немногих,

а, возможно, единственному человеку в мире.

Да, или нет?

– Конечно же – да! – сказал я в пустоту, улыбаясь. – И будь что будет.

– *Я думала, что тебе потребуется меньше времени.* – Прозвучал голос Смерти позади меня.

Я обернулся и увидел очень теплую улыбку Смерти, которую, казалось, она просто не может изобразить из-за своего холода.

– Будь что будет. – Зачем-то повторил я.

Смерть кивнула и повернулась к дверному проему. Она провела по нему пальцем, и на его месте появилась темнота, заслоняя собой, видневшийся в нем ранее, коридор.

– *Ну, ты идешь?* – спросила она и шагнула в темноту.

– Будь что будет. – Повторил я в третий раз, но теперь уже самому себе. А затем, допив остатки коктейля одним глотком, я пошел за Смертью.

ГЛАВА 4

Что есть реальность?

Наше переменчивое восприятие окружающей действительности, или же независимая ни от чего константа? Живет ли она по своим законам, или меняется от нашего отношения к ней? Строится ли наше мнение исходя из опыта прошлых поколений, который сформировал наш взгляд на привычные вещи, ограничив наш кругозор?

Где-то я слышал, что монахов шаолиня набирают в свои ряды, максимум в четыре года, а обычно раньше. Делается это потому, что детский разум еще не скован рамками знаний предков, а значит, его можно настраивать иным образом. Допустим, все мы понимаем, что дерево твердое, и если ударить по нему рукой, то будет очень больно нам, и абсолютно ничего дереву. Об этом знаем мы с вами, наши друзья, родители, и родители их родителей. Целые поколения людей уверены в этом. И эта информация тяжеленным грузом задела в коре нашего мозга.

Но что будет, если кто-то одним ударом руки срубит толстенное дерево, без каких-либо повреждений для своего тела, прямо у нас на глазах? Произойдет перегруз мозга потому, что привычная картина мира разрушится. Но это, если говорить о взрослых людях. Юным монахам же, объясняют, что дерево твердое, однако если он захочет, то дерево ста-

нет хрупким. За годы тренировок, дети укрепляются в вере в свои знания, и начинают творить, в понимании среднестатистического человека, настоящие чудеса.

Но что есть реальность? Такая ли она, какой мы ее видим?

Представьте, что персонаж компьютерной игры осознает себя. Все причудливые растения, красочные животные, футуристические виды оружия, дома из неизвестных материалов, излишне мультяшные люди, предметы быта, столовые приборы, деньги, одежда, все вокруг для него будет настоящим. Это будет единственный правильный мир, который для него создает Высший Разум, иными словами, мы. Только мы знаем, что в действительности все по-другому. И растения, и животные, и предметы быта. Так что будет реальностью? Наш мир, в который он, скорее всего, никогда не попадет, или тот, в котором он живет?

Единственный правильный мир, в моем понимании, рушился на глазах после того, как я шагнул в портал за Смертью. Я не могу сказать, что испытал какие-то неприятные ощущения, за исключением легкого головокружения. Нет, тут дело было в другом. Как уложить в неподготовленном разуме то, что секунду назад ты сидел на кухне и попивал джин-тоник, а теперь стоишь посреди узенькой улочки где-то в Китае? Скорее всего в Китае...

Место, в котором мы оказались, встретило нас шумом проезжающих мимо машин и голосами гуляющих людей.

Несмотря на то, что на улице была ночь, вокруг было достаточно много народа. Среди прохожих преобладали азиаты, но мелькали и европейцы. Была еще чернокожая пара, которая вела за руки маленькую чернокожую девочку, скорее всего их дочку. Интересно, что у отца и матери кожа была черная как смоль, а вот у девочки на несколько тонов светлее, что наводило на сомнения, относительно порядочности матери.

Улица пролегла между узкими, но высокими зданиями, которые стояли очень близко друг к другу. Первые этажи занимали всевозможные магазины с большими стеклянными витринами. Чего там только не продавалось! За одними стеклами виднелось обилие ярких упаковок толи конфет, толи чипсов и кукурузных снеков. За другими проглядывались залежи электроники, от простеньких плееров до ультрасовременных фотокамер. Так же здесь присутствовали несколько ресторанов, аптека, странная лавочка сушеных товаров, вроде китового уса и морского огурца, которые так популярны в Азии. В одном магазине даже продавали спорт кары! Но больше всего мое внимание привлекла витрина, за которой стояли весьма большие аквариумы с живыми рыбами, крабами и креветками, разных цветов и размеров. Все они покорно ожидали своей участи. В России таких магазинчиков не встретишь. По крайней мере, в моем городе.

Каждая торговая точка, была украшена (да, именно украшена), огромными светящимися вывесками на трех язы-

ках – английском, китайском, и каком-то еще, похожим то ли на испанский, то ли на итальянский. Однозначно мы находились в каком-то курортном городе, вот только я никак не мог понять в каком.

– Где это мы? – спросил я, озираясь по сторонам.

– *В Макао.*

– А где это? – не понял я. – Мне казалось, что мы где-то в Китае.

– *Отчасти это Китай. Когда-то это была португальская колония. Сейчас же отдельное государство, в котором основное население китайцы и португальцы.*

А, так это португальский язык...

– *Смотри.*

Смерть указала пальцем на хрупкую девушку, с большой красной сумкой, которая сворачивала в темный переулок. Следом за ней, озираясь по сторонам, шел мужчина. Из-за глубокого капюшона не было видно его лица. Перед тем как зайти в темноту за девушкой, мужчина остановился, осмотреть улицу. Его тяжелый взгляд скользил по немногочисленным людям, от человека к человеку. В какой-то момент он задержался на нас и двинулся дальше.

– Он видит нас? – прошептал я.

– *Не видит и не слышит.* — Ответила Смерть. – *Пойдем.*

Она взяла меня за руку и повела в сторону проулка, в который только что юркнул мужчина. Я мысленно успокаивал себя, понимая, что сейчас будет происходить. Я стану свиде-

телем смерти маленькой, худенькой девушки из Макао.

Улочка куда мы свернули, разительно отличалась от той, где мы появились. Пейзаж напоминал место преступления из детективных американских фильмов. Мокрый асфальт, огромная шумящая вытяжка, шуршащие пакетами с остатками еды, крысы. Светящиеся вывески и магазины сменились мусорными баками, ржавыми водосточными трубами и грязными окнами первых этажей. Картина кричала о том, что в городе протекает две разных жизни. Одна представлена на главных улицах, чтобы производить впечатление на туристов, другая – настоящая, для местных жителей.

– Что вам нужно? – испуганно прокричала девушка.

Я посмотрел в ее сторону. Мужчина старался выдернуть у нее из рук ту самую красную сумку, но девушка держалась крепко. Время словно замедлилось. Я стал видеть мелочи, из которых состояла общая картина. Ломающиеся ногти китаянки, впивающиеся до крови в ладони. Перекошенное от натуги лицо преступника. Трескающаяся искусственная кожа на, натянутых до предела, лямках сумки. Капля воды с водосточной трубы, падающая в грязную лужу, с радужной пленкой бензина. Испуганный взгляд крысы и крошки еды на ее мордочке. Все было замедленно, и все было замечено мной. Только Смерть и я имели прежнюю скорость.

А потом блеснуло лезвие ножа.

– Мы должны ей помочь! – закричал я.

– *Нельзя!* – отрезала Смерть. Она была как всегда холодна.

– Но это же неправильно! Мы же здесь! Рядом! Мы можем вмешаться! – не унимался я.

– Нет, не можем. Это естественный порядок вещей.

— Это несправедливо... – обреченно выдохнул я.

– Никто не говорил о справедливости. Есть мы, есть наш долг. Все смертны. И мы должны прийти за каждым. – Спокойно сказала Смерть. – Антон, я понимаю о чем ты. Но это жизнь. Каждый играет свою роль. Наша роль – не вмешиваться. Когда кто-то умирает, мы провозжаем душу, но мы не можем влиять на естественный порядок вещей. Кто знает, к каким последствиям это приведет...

– Я понимаю. Просто... Она же сейчас умрет...

– Кто?

– Ну, эта девушка! – удивленно ответил я.

– Смотри внимательнее. – Улыбнулась Смерть.

И я начал всматриваться. За испуганными глазами девушки я увидел ее смерть. Через сорок два года, один месяц и двадцать шесть дней. Она умрет во сне от старости. Просто остановится сердце. Это было скорее понимание, чем видение.

– Но, если мы здесь не ради нее... – начал было я.

– Смотри. – Повторила Смерть.

И я снова стал смотреть. Теперь мой взгляд пал на мужчину. Я очень четко видел его лицо. Оно принадлежало уставшему от жизни человеку. Сетка шрамов покрывала его, пряча в морщинах и пучках жидкой бороды. А его глаза...

Они не излучали ненависть, или жадность. Только одиночество, безысходность и глубочайшую тоску. В какой-то момент я понял, что знаю все об этом человеке. Я видел насилие над ним в детстве со стороны отца. То как он сбежал из дома в шестнадцать лет и прятался по подвалам. То как он, если везло, находил остатки еды в мусорных контейнерах, а если нет, то голодал. Как он получил первую работу – неофициально разгружал машины. Его первая зарплата, непомерно маленькая, и его радость этим деньгам. То как его уволили через два месяца, и не стали рассчитывать за труд. Его первую и последнюю любовь, и ее предательство. То как его вновь выгнали из дома без копейки в кармане. Чувствовал его боль и обиду. За то, что он пытался из всех сил стать человеком, а его мечта рухнула подобно карточному домику.

Я видел, как голод заставил его украсть сумку у этой девушки. Я чувствовал, что он достает нож, чтобы только испугать, ни в коем случае не навредить. Я знал, что он умрет через двадцать секунд, в возрасте тридцати двух лет.

– Ты все понял? – спросила Смерть.

– Да. Я понял.

По моим щекам текли слезы, но я даже не пытался их скрыть. Как нелепо. Простой человек, которому с самого рождения не повезло. Человек, который был предан всеми. Отвергнутый. Встреть я его на несколько минут раньше, и знай я то, что знаю сейчас, я бы мог все изменить.

Где-то внутри кольнула совесть за то, что изначально я

подумал об этом мужчине плохо. Определенно, он преступник, его прошлое его не оправдывает. Но позволяет понять, почему он это сделал. В нем не было корысти. Только голод, страх и отчаяние. Как часто мы позволяем себе судить людей, не побывав на их месте?

Пятнадцать секунд...

В отчаянной попытке вырваться, девушка ударяет мужчину коленом в пах. Его лицо искажается от боли. Хватка преступника ослабевает, и азиатка вырывает сумку из его рук.

Десять секунд...

Она свободна, она может убежать, но страх заставляет ее нанести еще один удар. Такой, чтобы мужчина не преследовал. Чтобы она могла выиграть больше времени, и прибежать к людям.

Пять секунд...

Вспомнив навыки тхэквондо, собрав волю в кулак, девушка сгруппировалась для нанесения удара с разворота. Лицо мужчины, скрючившегося от боли, было на уровне пояса азиатки.

Четыре секунды...

Нога девушки стремительно приближалась к лицу преступника, в виде проникающего удара. Понимая, что сейчас случится, мужчина закрыл глаза.

Три секунды...

Удар. От инерции, ноги девушки подкосились, и она начала падать.

Голова грабителя резко откинулась назад, стремительно приближаясь к земле. Даже для замедленного времени, она двигалась быстро, что говорило о силе удара. В воздухе шлейфом зависли капли крови, тянущиеся россыпью алых точек ко рту мужчины.

Две секунды...

Оба участника ограбления стремительно приближались к земле, до которой оставались считанные сантиметры. Лишь сейчас я заметил острый камешек, тщательно скрытый в грязи, на том самом месте, куда стремилась голова преступника.

Одна секунда...

Падение.

Девушка упала спиной в лужу, высоко задрав над собой ноги. Мужчина приземлился затылком на тот самый камень. Я слышал как хрустнула его затылочная кость, и ее осколки резали мозг, застревая в нем. В глазах грабителя на миг проявился испуг, который сменился покоем.

Все. Он умер.

Время приняло свою привычную скорость течения.

Девушка, испуганно озираясь по сторонам, торопливо собрала в охапку сумку, и устремилась бежать подальше от места происшествия. Чувства мне подсказывали, что она не поняла, что только что отняла жизнь человека. Через несколько дней она прочтет в газетах о трупе, найденном в районе Сан Пауло. В фотографии, приложенной к некрологу, она

узнает нападавшего, и обязательно напьется в тот же вечер. А на утро для себя решит никому и никогда не рассказывать о случившемся. К сожалению, или к счастью, полиция не станет искать убийцу несчастного, решив списать все на случайность, которой здесь и не пахло.

Мужчина лежал неподвижно. Его глаза были открыты, устремляя пустой взгляд в затянутое тяжелыми тучами небо. В уголках его губ виднелась загустевшая кровь.

– *Смотри.* – В очередной раз сказала Смерть.

Приглядевшись, я понял о чем она говорила. От мертвого тела исходило легкое, едва различимое свечение в районе груди. Постепенно оно распространялось, пока не охватило все тело.

– *Он готов.*

Неизвестно откуда, в руках Смерти появилась коса, которую она занесла над светящимся телом, пристально в него вглядываясь. Вдруг, сияющий силуэт дернулся и начал вставать. В нем можно было разглядеть очертания конечностей. Единственная странность была в том, что от духовного тела к физическому, тянулась белая нить, словно, сотканная из света. Эту самую нить Смерть и перерубила своей косой. Свечение от духовного тела на миг усилилось, и сошло на нет. На его месте стоял тот самый мужчина, но другой. На лице не было шрамов, волосы причесаны, борода и усы аккуратно подстрижены. Он был одет в традиционную китайскую одежду, легкую и свободную.

На его лице застыло недоумение. Обернувшись, он увидел свое безжизненное тело, а потом обратился к Смерти:

– Я искал тебя.

– *Я знаю. Я слышала твои молитвы и твои слезы, Хо.* –

Ответила Смерть.

– Что теперь со мной будет? Я сделал много плохого, но...

Я не хотел никому зла. – С грустью сказал мужчина.

– *Я не могу тебе сказать, что будет дальше. Моя задача – открыть тебе дорогу, по которой ты должен ступать сам.*

– Это страшно?

– *Я не знаю, Хо.* – Честно сказала Смерть. – *Я никогда не умирала, но однажды и мой час настанет. А сейчас, тебе пора. Я открою проход.*

– Подождите! – прокричал я. – Хо, правильно? Скажите, почему вы это сделали? Почему вы не выбрали другой путь?

По моим щекам с новой силой заструились слезы.

– Я не знаю, мальчик. Наверное, подсознательно я искал Смерть. Слишком много было плохого в моей жизни. Боль застилала мне глаза, мешая увидеть счастье жизни, сокрытое в мелочах. В полете бабочки. В птице, с которой ты делишься последними крохами хлеба, а она с осторожностью клюет их с твоей руки. Сейчас я понимаю это, тогда – нет. Мне было все равно – тюрьма, смерть, побои... Но сейчас я свободен. – На миг он замолчал, а потом обратился к Смерти. – Подрастающее поколение?

– Да. Его первый раз при... – Смерть запнулась. – При таких обстоятельствах.

– Понятно. – Хо улыбнулся. – Тебе выпала невероятная возможность, мальчик. Учись на ошибках тех, кого встретишь. Это тяжелый, но уникальный опыт.

– Понимаю... – тихонько ответил я.

– Хорошо. – Мужчина пожал мне руку, а затем обратился к Смерти. – Я готов.

Смерть взяла его за руку. Другую руку она выставила вперед, и перед Хо появился проход в неизвестность. Мужчина внимательно осмотрел его и сделал свой первый шаг. За ним второй, третий. Полностью войдя в портал, он обернулся, и, сложив ладони перед грудью, поклонился нам. Мы сделали ответный поклон, после чего портал вместе с человеком растаяли в воздухе.

– Что с ним теперь будет? – осматривая безжизненное тело Хо, спросил я.

– Я не знаю наверняка, Антон. Могу предположить, что состоится Божий суд.

— Тогда, наверное, его ждет ад, за его преступления. – С грустью сказал я.

Мне этот человек не казался плохим. Просто он однажды не там свернул, а потом не смог вернуться на правильный путь.

– Мы этого не знаем. Но, я думаю, что нет. Нельзя брать все под одну гребенку. Или по твоему нет разницы между

кражей хлеба, чтобы накормить голодающих детей, и кражей огромных денег, чтобы купить себе яхту? Между убийством ради защиты Родины, и убийством в свое удовольствие? Все определяет мотив, Антон.

– Это имеет смысл. – Задумчиво произнес я. – Где-то внутри у меня было понимание этого, но всерьез я никогда не задумывался. Ты же, словно, вытаскиваешь глубоко зарытые воспоминания, из отдаленных уголков моего сознания.

– *Не сознания, а души.* – Исправила меня Смерть. – *Нам незачем больше здесь оставаться.*

– То есть, понятие души не просто вымысел?

– *Разумеется, нет. По-твоему, что мы сейчас провозжали в Мир Мертвых?* – Смерть удивленно посмотрела на меня. – *Иногда ты меня шокируешь. И это не в самом хорошем смысле слова.*

Слова Смерти меня пристыдили. Ну, что поделывать, если всю сознательную жизнь я был далек от духовного мира? Конечно, я верил в Бога, но как в творца, а не какого-то конкретного, верил в душу, отчасти верил в магию. Но одно дело вера, а другое – знание.

– А как мы будем отсюда выбираться? – я аккуратно сменил тему. – Ты так же откроешь портал ко мне домой?

– *Мы уже у тебя дома.*

– Что? – не понял я.

Оглянувшись, я увидел, что мы и впрямь стояли у меня на кухне. Я даже не заметил как мы успели перенестись

из одной страны в другую за мгновение ока. В кухне все стояло на своих местах. Лишь пустой стакан из под джин-тоника, напоминал о том, что я пил алкоголь. Все остатки опьянения выветрились из моего тела, под действием стресса.

– Мяу. – Сонно сказала Хара, заходя на кухню.

По лицу кошки (язык не повернется назвать ее лицо мордой), было видно, что наше появление потревожило ее крепкий кошачий сон, но, в целом, она не против нашего прихода. Завидев Смерть, Хара подбежала к ней, и начала тереться об ее ноги.

– Эх, ты, предательница! – обратился я к кошке.

– *Так, кису не обижаем.* – Наигранно строго сказала Смерть. Вообще, было видно, что ее настроение разительно улучшилось. А еще стало понятно, что она любит кошек.

После всего случившегося, мне вновь захотелось выпить. В голове мелькнула мысль, что если так будет продолжаться, то я очень быстро превращусь в алкоголика.

– Ты не против? – спросил я Смерть, указывая на бутылку джина.

– *Пожалуйста – пожалуйста,* – ответила она. – *Мне тоже налей.*

Нет, она не перестает меня удивлять.

Разлив алкоголь по стаканам, и разбавив его тоником, я вспомнил старую – добрую традицию помянуть ушедших. Один стакан я отдал Смерти, которая расположилась в углу стола, и Хара сразу же запрыгнула ей на колени. Второй я

поднял на уровне глаз и произнес:

– Пусть земля будет тебе пухом, Хо. – на секунду заду-
мавшись, я продолжил. – Нет, не так. Пусть Создатель будет
к тебе благосклонен. Подожди-ка...

Тут меня осенило.

– *Что такое?* – улыбаясь, спросила Смерть.

– Он же был китаец! А я русский! – воскликнул я.

– *Поражаюсь твоей наблюдательности.* – Шутила она.

– А на каком языке мы разговаривали? Я же и ту девушку
понимал, когда она о помощи просила!

– А, заметил? *В твоём понимании, вы вообще не говори-
ли. Это был скорее, обмен эмоциями, смыслом, намерением.
У них нет языка. Это происходит на уровне понимания.*

– Чудеса какие-то... – пробормотал я.

Глоток коктейля сейчас был самым лучшим решением.
Нужно было признать, что в мою жизнь пришла магия,
или как это назвать? Магия, мистика, чудеса, волшебство,
не важно. Теперь моя жизнь не будет как раньше. Вкусив ма-
ленькую часть силы, невозможно заглушить ее вкус ничем.
Да, работа тяжелая, в эмоциональном плане, да, она стран-
ная и, пока, не до конца понятная. Но откажусь ли я от нее
теперь? Конечно же нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.